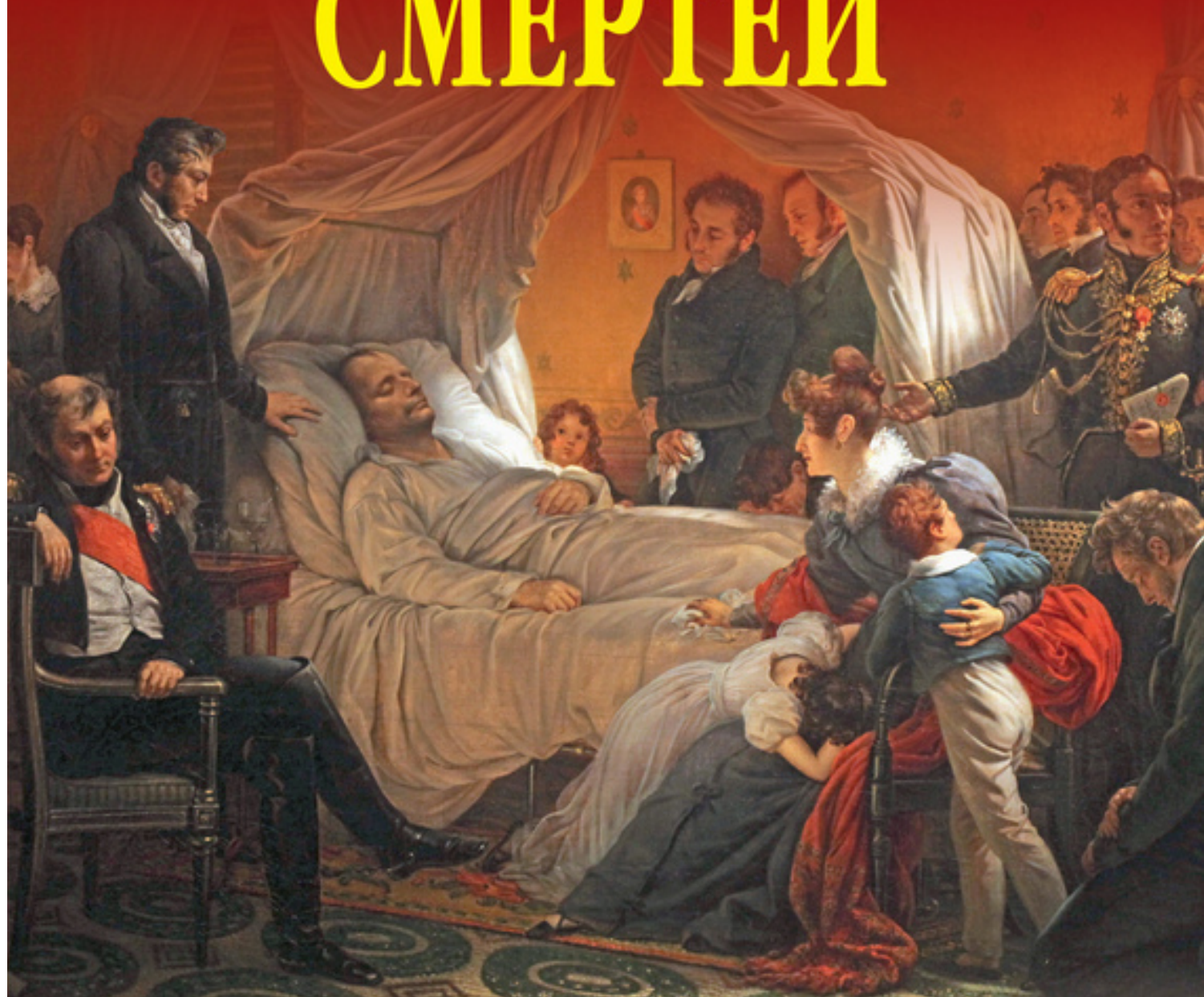

100

ВЕЛИКИХ ЗАГАДОЧНЫХ СМЕРТЕЙ

100 великих (Вече)

Борис Соколов

**100 великих
загадочных смертей**

«ВЕЧЕ»

2016

Соколов Б. В.

100 великих загадочных смертей / Б. В. Соколов —
«ВЕЧЕ», 2016 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-4444-8770-9

Люди, в том числе и публичные, и знаменитые, нередко умирают внезапно, причем далеко не всегда такая смерть носит отчетливо насильственный характер. Но даже смерть, которая явно стала следствием убийства, зачастую остается неразрешимой загадкой, если не удастся найти убийц и заказчиков и определить действительные мотивы преступления. К тому же порой даже при достаточно ясных обстоятельствах убийства в общественном мнении возникают различные версии, как правило, рисующие картины широкого и разветвленного заговора, жертвой которого будто бы и стал убитый. Загадочными бывают и внезапные смерти известных людей, даже не сопровождающиеся видимыми признаками насилия. О ста самых загадочных смертях рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-4444-8770-9

© Соколов Б. В., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Античный мир	7
Фемистокл	7
Тиберий Юлий Цезарь Август	9
Тиберий Клавдий Нерон Германик	12
Тит Флавий Веспасиан	16
Средневековье	18
Вильгельм II	18
Мамай	23
Тохтамыш	27
Агнесса Сорель	29
Царевич Дмитрий	31
XVIII век	35
Карл XII	35
Царевич Алексей Петрович	39
Пётр I	41
Пётр III	44
Ломоносов Михаил Васильевич	50
Джеймс Кук	54
XIX век	58
Павел I	58
Мишель Ней	63
Наполеон Бонапарт	69
Александр I	73
Каспар Хаузер	77
Александр Сергеевич Пушкин	91
Михаил Юрьевич Лермонтов	95
Николай Васильевич Гоголь	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Борис Соколов

Сто великих загадочных смертей

© Соколов Б.В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

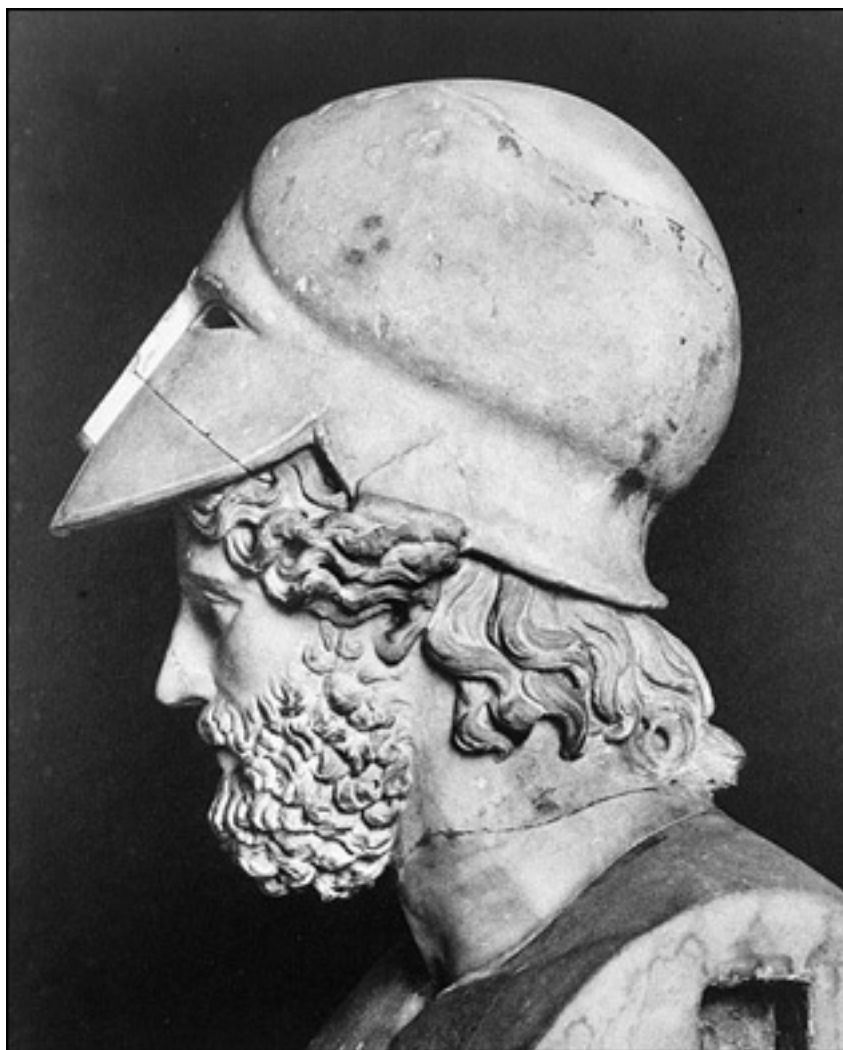
Предисловие

Как говорил классик, плохо не то, что человек смертен, а то, что он внезапно смертен. Люди, в том числе и публичные и знаменитые, нередко умирают внезапно, причем далеко не всегда такая смерть носит отчетливо насильственный характер. Но даже смерть, которая явно стала следствием убийства, зачастую остается неразрешимой загадкой, если не удастся найти убийц и заказчиков и определить действительные мотивы преступления. К тому же порой даже при достаточно ясных обстоятельствах убийства в общественном мнении возникают различные версии, как правило, рисующие картины широкого и разветвленного заговора, жертвой которого будто бы и стал убитый. Загадочными бывают и всякие внезапные смерти известных людей, даже не сопровождающиеся видимыми признаками насилия. Практически всегда возникает вопрос: погибла ли знаменитость из мира искусства, политики или бизнеса от естественных причин или стала жертвой несчастного случая, самоубийства или убийства, в свою очередь, замаскированного под смерть от естественных причин, несчастный случай или самоубийство? Также и в случае смерти от естественных причин она может считаться загадочной, если не удастся установить диагноз – от какой именно болезни скончался человек. Тут надо заметить, что в древности и Средневековье едва ли не все смерти, о которых сообщают нам хроники и труды историков, можно считать загадочными. Тем более что разные источники, как правило, сообщают противоречащие друг другу сведения об одной и той же смерти. Поскольку диагностика находилась тогда в зачаточном состоянии, люди умирали от «лихорадки», «горячки», «желудочных колик» и других, неведомых откуда взявшихся болезней. И если речь не шла об эпидемии, от которой гибли сразу сотни и тысячи человек, то однозначно определить причину смерти того или иного исторического лица часто не представляется возможным и сегодня, когда уровень медицины – совершенно другой. В большинстве случаев остаются несколько альтернативных диагнозов, и практически никогда нельзя исключить и версию отравления. Что совсем не значит, разумеется, что большинство монархов и полководцев древности и Средневековья умерли от рук отравителей. Никаких химических анализов на обнаружение возможных ядов в то время не проводили, поэтому почти никогда нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть версии об отравлении, если они относятся к далекому прошлому. Естественно, что загадочных смертей более или менее известных личностей в истории было в десятки и сотни раз больше, чем может быть представлено в данной книге, где их число, согласно жанру, ограничено сотней. Отбор персонажей проводился с таким расчетом, чтобы они были в наибольшей степени известны российским читателям.

Античный мир

Фемистокл

Фемистокл (ок. 524 до н. э. — 459 до н. э.) — греческий полководец, один из «отцов-основателей» афинской демократии. Он неоднократно был архонтом и стратегом Афин, осуществляя высшую политическую и высшую военную власть. Фемистокл укрепил афинскую гавань Пирей и утроил численность афинского флота с 70 до 200 триер.

Фемистокл

После вторжения в Грецию армии персидского царя Ксеркса Фемистокл предложил греческим государствам следующий план действий. Следовало преградить персам путь через узкое Фермопильское ущелье. А чтобы предотвратить обход ущелья с моря афинским и союзным флотам, надо было контролировать узкий пролив между островом Эвбея и материковой Грецией. Здесь в битве у мыса Артемисий греческий флот нанес поражение персидскому, который также сильно пострадал от шторма. Однако, получив сообщение о гибели защитников Фермопил во главе с царем Спарты Леонидом, флот Фемистокла отступил. Афины и Аттику пришлось оставить. Фемистокл издал декреты о мобилизации всего

мужского населения, об эвакуации женщин, стариков и детей на остров Саламин и в Трезен, о возвращении изгнанных из Афин граждан для общей борьбы. В битве в узком проливе между Саламином и материком 28 сентября 480 года до н. э. персидский флот был разгромлен. Персы потеряли 200 кораблей, а греки – только 40. После этого Ксеркс оставил Афины, хотя и сохранил в Греции экспедиционный корпус. Однако он был лишен снабжения из Малой Азии, так как греки теперь господствовали на море, и в битве при Платеях год спустя был почти полностью уничтожен. Однако вскоре Фемистокл изрядно надоел согражданам частыми напоминаниями о своих заслугах. Они подвергли его остракизму и в 475 году до н. э. изгнали из Афин на 10 лет. Сначала Фемистокл поселился в Аргосе, на Пелопоннесе. Когда у победителя при Платеях, спартанского регента Павсания, возник конфликт с коллегией эфоров, он начал секретные переговоры с персами и попытался привлечь к ним Фемистокла. Тот отказался, но не донес на Павсания. Когда заговор Павсания был раскрыт, среди его документов были найдены письма, где упоминался Фемистокл. Последний не стал дожидаться неминуемой казни и бежал на Керкиру, потом в Эпир, а потом в Сиракузы. Однако тиран Сиракуз Гиерон отказал Фемистоклу в праве на убежище, и тому ничего не оставалось, как отдаться под покровительство персидского царя Артаксерса, который ранее обещал за голову победителя при Саламине награду в 200 талантов. Теперь же царь не только сохранил ему жизнь, но и пожаловал в управление несколько городов. По утверждению Плутарха, несколько лет спустя царь повелел ему исполнить ранее данные обещания и возглавить войну против греков. Фемистокл, получив подобные распоряжения, будто бы принял яд. По другой версии, однако, он просто тихо умер от старости и болезней. Это случилось в 459 году до н. э.

Какая же из версий смерти Фемистокла более достоверна? Корнелий Непот так сообщает о смерти Фемистокла: «О смерти его писали многие и по-разному, но мы опять-таки доверяем лучшему автору – Фукидиду, который говорит, что Фемистокл умер в Магнезии от болезни, не отрицая, что ходила молва, будто он добровольно принял яд в отчаянии от того, что не может исполнить свои обещания царю относительно покорения Греции. Тот же Фукидид сообщает, что друзья тайно захоронили его прах в Аттике, тогда как закон не разрешал им этого потому, что Фемистокл был осужден как изменник».

Фукидид же сообщает о Фемистокле: «Жизнь свою он окончил от недуга. Иные, впрочем, рассказывают, будто он умертвил себя ядом, убедившись, что не может выполнить своих обещаний царю».

Тут надо иметь в виду, что Плутарх создавал свои труды в конце I – начале II века н. э., примерно через 550 лет после смерти Фемистокла. И он предпочел красивую морализаторскую легенду о правителе и полководце, который предпочел покончить с собой, но не участвовать в войне против своих соотечественников. Между тем современник Фемистокла Фукидид нисколько не сомневался, что тот умер естественной смертью, от старости, хотя уже ему была известна легенда о самоубийстве из патриотических побуждений. Скорее всего, её создали сторонники Фемистокла в Афинах для его посмертной реабилитации в глазах афинян. По заключению современных историков, Фемистоклу в момент смерти было не 65 лет, как думал Плутарх, а около 79 лет. В таком возрасте состояние здоровья вряд ли позволяло ему участвовать в военных походах. Тем более что в тот момент Персия не вела непосредственных боевых действий против Афин. А подавление восстания в Египте, пусть даже поддержанного Афинами, отнюдь не было тождественно участию в войне против Афин, а скорее должно было восприниматься как защита персидских владений.

Тиберий Юлий Цезарь Август

Тиберий Юлий Цезарь Август (42 до н. э. – 37 н. э.) был вторым римским императором в 14–42 годах. В 20 году до н. э. он женился на Випсании Агриппине, дочери от первого брака друга и соратника Октавиана, полководца Марка Агриппы. Первый и единственный ребёнок родился в 13 году до н. э. – мальчику дали имя Нерон Клавдий Друз. Ребёнок был усыновлён Октавианом, у которого не было своих родных детей мужского пола, под именем Юлий Цезарь Друз и воспитывался в доме Октавиана. Тиберий считался неплохим полководцем и успешно воевал с парфянами и галлами.

В 13 году, после смерти Агриппы, Август сделал Тиберия своим соправителем. В 14 году Октавиан Август умер, завещав империю Тиберию. Тот за несколько дней до кончины Августа выехал к армии, но срочно вернулся с дороги. В первые годы Тиберий правил в сотрудничестве с сенатом, вернув ему ряд прав, узурпированных Августом. Он укрепил государственные финансы и гораздо более сдержанно, чем Август, применял «закон об оскорблении величества», чтобы не оставлять простора для доносов.

Римская монета с изображением Тиберия и Ливии

Для упрочения своей власти в 17 году Тиберий ввел в Рим преторианскую гвардию – не менее 6 тысяч хорошо вооруженных воинов под командованием префекта Луция Элия Сеяна. Доверие Тиберия к Сеяну еще более укрепилось после того, как Сеян спас ему жизнь во время горного обвала. Однако подозрительность императора резко возросла после смерти в 23 году его единственного сына Друза. И вследствие этого последние полтора десятилетия его царствования запомнились современникам как одна из самых мрачных эпох римской истории. Император оставил Рим и уединился на Капри. Префект Сеян фактически узурпировал власть в Риме и стал преследовать наиболее влиятельных сенаторов и всадников. Наконец, Сеян решился на захват власти (Светоний полагал, что он стал жертвой провокации Тиберия). Он хотел добиться усыновления в одну из ветвей рода Юлиев и после, как одному из Юлиев, занять позицию принцепса (правителя) при малолетнем внуке царствующего императора Тиберия Гемелле или при сыне Германика Калигуле. Ливилла, мать Гемеллы, была любовницей Сеяна, несмотря на запрет Тиберия, и участвовала в заговоре. Однако мать Ливиллы, Антония Младшая, раскрыла заговор Тиберию. Тот объявил о своей отставке с консульского поста; то же самое, по обычаю, пришлось сделать и Сеяну. Тогда же

Тиберий публично возвысил Калигулу, чтобы опереться на род Германика. Тиберий вызвал Сеяна в сенат, под предлогом передачи трибуната. 18 октября 31 года на заседании сената Сеян и его сообщники были схвачены и казнены. Он был осужден на основании закона об оскорблении величия как «враг народа» – *hostis perniciosissimus*. За этим последовали казни троих детей Сеяна, многих его родственников и сторонников. В частности, сына и дочь Сеяна удушили, а поскольку закон запрещал казнить девственников, палач перед казнью лишил несчастную девственности. В Риме начался настоящий террор.

Тиберий подолгу не менял наместников в провинциях, объясняя это так: «Каждый чиновник подобен слепню. Напившийся крови сосет жертв уже меньше, а вот новый – опаснее. Надо же и пожалеть подданных!»

После казни Сеяна Тиберий больше не был в Риме, живя на Капри или на вилле в Кампании. В начале 37 года здоровье императора начало быстро ухудшаться, и 16 марта 37 года он умер на своей вилле в Мизене, в Кампании, в присутствии Макрона и Калигулы. Как именно умер Тиберий, существуют различные версии. Согласно Тациту, когда присутствующие решили, что Тиберий умер, и уже приносили поздравления Калигуле, император внезапно открыл глаза, что повергло всех в ужас. Но находчивый Макрон, не утративший самообладания, приказал задушить Тиберия, набросив на лицо или подушки, или, как полагал Дион Кассий, ворох одежды. Светоний считал, что Тиберия задушил Калигула, хотя допускал, что в действительности император был отравлен тем же Калигулой. Тот же Светоний выдвинул и еще более экстравагантную версию, согласно которой Тиберия уморили голодом после приступа лихорадки. Тиберий завещал разделить власть между Калигулой и Тиберием Гемеллом, однако Калигула, придя к власти, вскоре умертвил Гемелла.

Смерть Тиберия. Художник Ж.П. Лоран. 1864 г.

Версии о насильственной смерти Тиберия весьма распространены, особенно с учетом того, что никто из римских историков не считал его положительным персонажем. Однако ни один из них не жил в царствование Тиберия и питался лишь слухами, исходившими от противников Тиберия. Между тем весьма преклонный возраст императора прежде всего заставляет предположить естественный характер его смерти. Ведь Тиберий, с одной стороны, был очень подозрителен, а с другой – прекрасно знал римские нравы и своих подчиненных, для которых убить человека, в том числе претендента на престол, было не сложнее, чем выпить кубок старого доброго фалернского. Вряд ли он рисковал оставаться, особенно в период тяжелой болезни, один на один со своим наследником Калигулой и начальником преторианцев. Наверняка он окружил себя телохранителями, в присутствии которых ни Макрон, ни Калигула не рискнули бы душировать императора. И уж ни Макрон, ни Калигула никогда не стали бы рассказывать своим друзьям и знакомым, как душили или травили Тиберия.

Тиберий Клавдий Нерон Германик

Тиберий Клавдий Нерон Германик (10 до н. э. – 54) – римский император из династии Юлиев-Клавдиев в 41–54 годах. Он был сыном Друза Старшего, младшего сына супруги Августа Ливии Друзиллы от её первого брака, и его жены, Антонии Младшей, дочери Марка Антония от сестры Августа, Октавии. Клавдий – один из немногих римских императоров, который никогда не выступал в роли полководца, зато оставил о себе память как об ученом. После смерти Августа Клавдий был упомянут в его завещании среди наследников третьей очереди, хотя Клавдий и не был официально усыновлён в род Юлиев, и получил 2 млн сестерциев. Клавдий удалился на свою виллу в Кампании, где предавался как пьянству и играм, так и научным занятиям. Еще во времена Августа он написал «Историю гражданских войн», где довольно критически высказался об Августе и весьма похвально – о своем деде, Марке Антонии. Клавдий также создал «Историю этрусков» в двадцати книгах со словарем этрусского языка, «Историю Карфагена» в восьми книгах и шуточное наставление по своей любимой игре в кости. Но ни одно из его произведений не сохранилось до наших дней.

Император Клавдий

С приходом к власти племянника Клавдия, Гая Калигулы, Клавдий получил консульские полномочия. Народ относился к нему хорошо. Калигула женил Клавдия на Мессалине, дочери Марка Валерия Мессалы Барбата, консула 20 года. Мессалина даже по римским меркам, по этой части весьма либеральным, отличалась совершенно невиданным развратом, и её имя стало нарицательным.

24 января 41 года Калигула, который всех достал своими издевательствами и немотивированными казнями, был убит заговорщиками-преторианцами, при выходе из театра оттеснившими императора от его телохранителей, а затем заколовшими Калигулу мечами. Испуганный Клавдий спрятался в солнечной галерее дворца, за занавеской. Оттуда его извлекли солдаты-преторианцы и позвали царствовать. Никто не думал, что такой маменькин сынок, не способный к военным делам, станет императором. Поэтому к делам правления его никто не готовил. Тем не менее Клавдий оказался далеко не худшим правителем в римской истории. Он отказался принять власть от сената, где была сильна республиканская партия во главе с убийцами Калигулы, а предпочел, чтобы его провозгласили императором преторианцы, которых поддержал народ, опасавшийся установления власти сенатской олигархии. Начал он с того, что казнил заговорщиков, непосредственно убивавших Калигулу, – Кассия Херею, Юлия Лупа и Корнелия Сабина. Остальным же пообещал никогда не вспоминать о заговоре. Всех незаслуженно позабытых и оболганных в правление Калигулы родственников, живых и мёртвых, Клавдий реабилитировал и назначил им различные почести. Тех, кто был еще жив, освободили из тюрем и ссылок. Все указы Калигулы были отменены, однако день своего прихода к власти Клавдий запретил праздновать, поскольку в этот день был убит его предшественник.

Апофеоз Клавдия. Резная камея

В 48 году Мессалина составила заговор, чтобы возвести на престол своего любовника Гая Силия. После разоблачения заговора Мессалине было предложено покончить с собой, но она не смогла этого сделать, и тогда её заколол кинжалом посланный императором легат. За ужином Клавдию доложили о смерти супруги. Он лишь попросил налить ему больше вина.

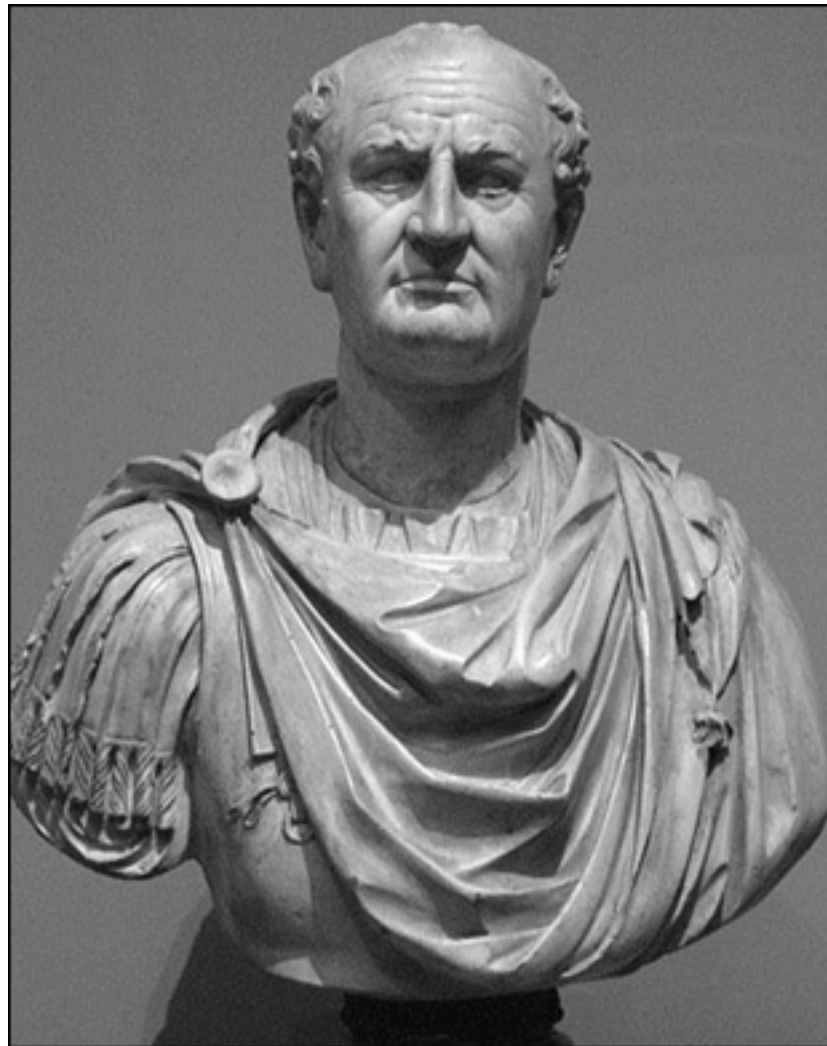
В 49 году Клавдий женился на Агриппине Младшей, матери будущего императора Нерона, которого Клавдий усыновил в следующем году, одновременно даровав Агриппине титул Августы (императрицы). А 13 октября 54 года Клавдий умер, будто бы сразу после того, как съел тарелку поднесённых Агриппиной грибов. Таким образом Агриппина хотела открыть Нерону путь к власти. На такой версии настаивал Светоний, утверждавший, что Клавдий умер в Риме. В качестве же исполнителей фигурировали слуга Халот, в чьи обязанности входило пробовать императорскую пищу, императорский врач Ксенофон или известная галльская отравительница Локуста. Ходили слухи, что незадолго до смерти Клавдий охладел к Агриппине и изменил завещание то ли в пользу своего сына Британика, то ли предписав Нерону и Британику править совместно.

В то же время Тацит местом смерти императора называл Синуессу, в районе современного Мондрагоне в Италии, и полагал, что Клавдий умер от естественных причин, то есть от старости. Какая из версий смерти Клавдия соответствует истине, точно установить невозможно. При этом очевидно, что версия об отравлении Клавдия базируется исключительно на слухах, почему в качестве отравителей фигурируют разные лица, а в качестве орудия

отравления – то ли грибы, то ли более традиционные яды. Слухи об отравлении возникали после кончины практически каждого римского императора, если только его смерть не имела явно насильственного характера в виде казни или убийства (или самоубийства) с помощью петли или холодного оружия, как это произошло, например, с Калигулой. Насчет же Клавдия следует заметить, что он всю жизнь, с самых юных лет, предавался чрезмерному винопитию. Вследствие этого к старости у него вполне мог развиваться цирроз или какое-нибудь другое заболевание печени или почек. А его смерть от цирроза, скорее всего, сопровождалась сильнейшими болями в животе и могла восприниматься частью окружающих как результат отравления.

Тит Флавий Веспасиан

Тит Флавий Веспасиан (39–81) римский император из династии Флавиев с 79 по 81 год. Тит был первым императором, унаследовавшим власть от своего родного отца. Он был сыном Флавия Веспасиана и Флавии Домициллы Старшей. Тит воевал в Германии и Британии в должности военного трибуна и дослужился до квестора. Когда Нерон отправил Флавия Веспасиана подавлять восстание в Иудее, Тит последовал за отцом, возглавив один из легионов. Когда императором после самоубийства Нерона был провозглашен Гальба, Тит был послан отцом в Рим для поздравления нового императора, но в Коринфе узнал об убийстве Гальбы, провозглашении императором Отона и восстании Вителлия. Поэтому он предпочел вернуться в лагерь отца, чтобы выждать, кто из претендентов одержит верх. Но вскоре Тит подумал, что его отец ничем не хуже узурпаторов-самозванцев, а войска у него, пожалуй, побольше, чем у Отона и Вителлия. И убедил отца, что стоит рискнуть. Титу, отличавшемуся выдающимися дипломатическими способностями, удалось привлечь на сторону Флавия Веспасиана наместника Сирии Муциана с его легионами.

Император Веспасиан

Уезжая в Италию, Веспасиан передал Титу главное командование в Иудее. Вскоре Тит взял и разрушил Иерусалим, проявив при этом большую жестокость. Во время своего пре-

бывании в Иудее Тит сблизился с красавицей Береникой, дочерью Ирода Агриппы I и сестрой Ирода Агриппы II.

Когда в 79 году Веспасиан умер и Тит стал императором, он постарался переломить настроенное против него общественное мнение. Теперь Тит карал доносчиков, помиловал обвиняемых в оскорблении величества, устраивал пышные игры и много строил в Риме, так что казна, накопленная при скупом Веспасиане, была опустошена. За все короткое правление Тита ни один из сенаторов не был приговорен к смерти.

Тит внезапно умер 13 сентября 81 года. Ему был всего 41 год. Отпраздновав окончание строительства Колизея, император отправился в свое сабинское имение. На первой же стоянке он почувствовал сильный жар. Тита успели донести на носилках до имения. Скончался он на той же вилле, что и его отец. Народ очень горевал о смерти Тита. Существует версия, исходящая от историка II–III веков Диона Кассия, что Тита отравил его брат Домициан, ставший следующим императором, и перед смертью Тит будто бы говорил, что его единственной ошибкой было то, что он не убил Домициана.

Характерно, что современник Тита Светоний ничего не знает об отравлении императора, тогда как позднейшие историки пишут об отравлении и приписывают его Домициану. Это больше похоже на легенду, возникшую не ранее конца правления Домициана, заслужившего у современников и потомков не самую лучшую репутацию. Также римский историк IV века Аврелий Виктор вслед за Дионом Кассием утверждал, что Тит умер от яда. В данном случае равно вероятно как отравление ядом, так и смерть Тита от какой-то болезни («горячки»).

Средневековье

Вильгельм II

Король Вильгельм II Рыжий (около 1056–1100) был третьим сыном Вильгельма Завоевателя. Он правил Англией с 1087 года. Вильгельм владел Англией, Нормандией, оказывал значительное влияние на Шотландию и пытался, хотя и без особого успеха, распространить его на Уэльс. В период его правления в стране наступила относительная стабилизация, впервые после нормандского завоевания Англии. Вильгельм II клялся свято чтить законы Англии и править исходя из принципов справедливости и милосердия. Король также пообещал снижение налогового бремени и отмены ограничений на охоту. А крупных магнатов Вильгельм просто купил субсидиями из казны. Впрочем, все обещания были королем очень скоро забыты. Вильгельм значительно ужесточил законы о королевской охоте и об охране заповедников, что вызвало недовольство крестьян, ввел новые налоги, а кроме того, более жестко стал собирать уже существующие налоги. Это вызывало недовольство значительной части англонормандских баронов. В 1095 году вспыхнул очередной мятеж, жестоко подавленный.

Вильгельм II Рыжий. Средневековая миниатюра

Вильгельму удалось укрепить свое влияние в Шотландии и захватить Камберленд, а вот походы в Уэльс были безрезультатны, поскольку валлийцы уходили в горы и разбить их не получалось.

Английский историк XII века Вильям Мальмсберийский следующим образом характеризовал нравы, царившие при дворе короле Вильгельма Руфуса (Рыжего): «Любой ничтожный человечешко, любой преступник немедленно выслушивался, стоило ему только заикнуться о выгоде для короля: петля освобождала шею грабителя, посули он королю прибыль. Военная дисциплина ослабла, придворные расхищали собственность народа, потребляли их добро, чуть ли не вырывая кусок хлеба изо рта несчастных. В то время носили длинные волосы, роскошные одежды, тогда же выдумали туфли с загнутыми носками. Образ поведе-

ния юношей был в том, чтобы изнеженностью соперничать с женщинами, походку иметь расслабленную и небрежную и щеголять обнаженным телом (явный намек на нетрадиционную сексуальную ориентацию короля. — Б. С.). Выхолненные, они против воли оставались тем, чем создала их природа, эти развратители чужого целомудрия, расточители своего собственного. Шайка женоподобных юнцов и стаи блудниц наводняли двор; так что не случайно сказано кем-то мудрым, что счастлива была бы Англия, если бы править ею мог Генрих».

Главное же, отсутствие жены и законных наследников — детей — развязывало руки заговорщикам, желавшим посадить на английский трон брата Вильгельма Генриха. Вот почему, как считают некоторые историки, гибель короля на охоте была не несчастным случаем, а хорошо продуманным убийством. 2 августа 1100 года Вильгельм с группой придворных отправился на охоту в Нью-Форест (Гемпшир). Во время преследования добычи группа придворных разделилась, в результате чего король остался вместе с одним из своих приближённых, Вальтером Тирелом. Вечером они наткнулись на оленя. Король выстрелил в него, но промахнулся. Вскоре пробежал ещё один олень, в которого выстрелил Тирел, но эта стрела вместо оленя попала в короля, мгновенно убив его. Вильям Мальмсберийский утверждал: «На охоте короля сопровождало несколько человек. Преследуя добычу, они отделились, оставив короля с Тирелом. Солнце уже клонилось к закату, когда Вильгельм натянул лук и послал стрелу, которая легко ранила оленя, пробежавшего перед ним. Олень продолжил свой бег, за ним бросился король, прикрывая рукой глаза от солнечных лучей. В этот момент Вальтер решил убить другого оленя. О, милосердный Бог! Стрела, пущенная Вальтером, поразила в грудь короля!

Раненый король не издал ни звука. Он сломал древко стрелы, торчавшей из его тела. Это ускорило смерть. Вальтер немедленно подбежал к королю, но обнаружил лишь уже бесчувственное тело. Он вскочил на коня и изо всех сил помчался прочь. Его никто не преследовал: некоторые помогли Вальтеру бежать из страны, другие жалели его». Другой историк, Ордрик Виталий, приводит схожую историю. Согласно его версии, олень пробежал между Тирелом и королём. Стрела Тирела, скользнув по шерсти оленя, попала в короля, мгновенно убив его. Впрочем, другие историки утверждают, будто Тирел всю жизнь не признавал свое, пусть невольное, участие в смерти короля. Аббат Сугерий писал в «Жизни Людовика VI Толстого, короля Франции», что Тирел отрицал, будто охотился в той же части леса, что и король. Также участие в смерти короля отрицают Иоанн Солсберийский в «Житии святого Ансельма» и Герард Камберийский. «Англосаксонская хроника» упоминает только то, что Вильгельм был убит во время охоты одним из своих людей.

Интересно, что женой Вальтера Тирела, по некоторым источникам, была Аделиза (1069–1138), дочь Ричарда Фитц-Гилберта, представителя боковой ветви нормандской династии и основателя дома де Клеров. Братья де Клер были близки к Генриху I, который и стал королем после смерти Вильгельма.

Некоторые современные историки полагают, что в пользу заговора свидетельствует немедленное бегство Вальтера Тирела во Францию, равно как и то, что его никто не преследовал. В этот же ряд доказательств ставят спешку, с которой брат Вильгельма II Генрих Боклерк и придворные покинули место охоты, стремясь захватить королевскую казну в Винчестере и провести обряд коронации Генриха. Аббат Сугерий, который во Франции встречался с Тирелом, утверждал, что до последних дней своей жизни тот отрицал свою причастность к убийству короля. Тирел, который описывается хронистами как один из самых метких охотников, полагают историки, вряд ли мог допустить такой фатальный промах. Кроме того, на роковой охоте в Нью-Форесте присутствовали Гилберт и Роджер де Клеры, братья супруги Вальтера Тирела, которые ранее участвовали в мятежах против Вильгельма II, а после вступления на престол Генриха Боклерка получили обширные земельные владения и придворные должности. Однако все эти факты с тем же успехом могут быть истолкованы

в пользу версии гибели короля в результате несчастного случая. Даже убийство монарха по неосторожности было преступлением, за которое запросто могли казнить. Поэтому к бегству у Тирела были все резоны. Наоборот, в качестве сознательного убийцы он смотрится очень неубедительно. Рискую своей жизнью, положением в обществе и состоянием, он никаких ощутимых выгод после гибели Вильгельма Рыжего не получил, а наоборот, всю оставшуюся жизнь провел в изгнании во Франции. Понятно, почему он отрицал свою причастность к гибели короля в беседе с аббатом Сугерием. Признаваться в цареубийстве ему не было никакого резона, а версия о том, что он в момент убийства находился совсем в другой части леса, чем король, если бы её приняли власти Англии, позволила бы Тирелу вернуться на родину. Также и тот факт, что Тирела никто не стал преследовать, скорее говорит в пользу случайного убийства. Ведь если бы Тирел действительно был участником заговора вместе с людьми из окружения будущего короля Генрих I, заговорщикам гораздо удобнее было бы убить его, чтобы спрятать концы в воду. При этом смерть незадачливого стрелка легко можно было представить и как самоубийство в порыве раскаяния, и как убийство разгневанными приближенными короля. Аргумент же, что такой меткий стрелок, как Вальтер Тирел, не мог промахнуться и случайно попасть в короля, вряд ли стоит принимать всерьез. Промахиваются иной раз и Вильгельмы Телли. Вполне объяснимо, почему Генрих Боклерк и другие сановники так быстро уехали со злополучной охоты. Генриху надо было срочно короноваться и принять присягу от баронов, чтобы опередить другого претендента на английский престол. Старший брат Роберт III Куртгёз, который Руанским договором 1091 года был объявлен наследником английского престола, только что вернулся в Нормандию из крестового похода и начал многочисленные войны с Генрихом, завершившиеся в 1106 году полным поражением и пленением Роберта и переходом Нормандии под власть Генриха I. Тут уж было совсем не до поимки вероятного убийцы Вильгельма.

Смерть Вильгельма Рыжего

При нынешнем состоянии источников мы можем лишь утверждать, что обе версии имеют право на существование – как случайная гибель Вильгельма Руфуса, так и его смерть в результате заговора лиц, близких к его брату Генриху. Но пока что нам версия случайной гибели короля представляется более убедительной.

Мамай

Мамай – татарский темник, то есть командир тумена (корпуса), и фактический правитель западной половины Золотой Орды в 60–70-х годах XIV века. Недаром Куликовская победа называется еще и Мамаевым побоищем. Это славное для русской истории событие осмысливается во многих работах ученых-историков. Казалось бы, все здесь прояснено.

Русские летописи скупо сообщают, что после поражения на Куликовом поле он «прибежа в землю свою, не во мнозе дружине», чтобы выступить против только что укрепившегося в восточной половине Золотой Орды хана Тохтамыша. Но его войско перешло на сторону более удачливого соперника. Мамай бежал в генуэзскую Кафу в Крыму, где генуэзцы его и убили, то ли чтобы сделать приятное Тохтамышу, то ли чтобы завладеть сокровищами Мамаю.

Насчет обстоятельств гибели Мамаю существуют и иные версии. Автор первого университетского курса по истории России финско-шведский историк XVIII века Х.Г. Портан полагал, что он был убит прямо на Куликовом поле. А современный историк В.Л. Егоров считает, что «Мамай был настигнут погоней Тохтамыша и убит». Однако более правдоподобной выглядит версия, о которой пишут русские летописи, что он пал от рук генуэзцев.

Генуэзская крепость Кафа – место, где закончил свою жизнь Мамай

Для того чтобы понять, как и почему погиб Мамай, нам придется обратиться к истории Куликовской битвы. Численность татарских войск можно оценить следующим образом. По данным восточных источников, в 1385 году для похода на Тавриз (Тебриз) Тохтамыш собрал «огромное войско» в 9 туманов (туменов) – все, что смогла выставить Золотая Орда. Тумен составлял около 10 тысяч воинов, так что вся армия должна была насчитывать до 90 тысяч

человек. Следовательно, за пять лет до этого Мамай, контролировавший лишь западную половину государства, мог выставить 40–45 тысяч воинов.

В отношении русской армии на Куликовом поле наиболее правдоподобными выглядят данные «первого русского историка» XVIII века В.Н. Татищева, оценившего численность рати Дмитрия Донского в 60 тысяч человек.

В этом случае Дмитрий имел значительное по тем временам превосходство над Мамаем. Это подтверждается и образом действий последнего. Вместо того чтобы стремительно вторгнуться на русскую территорию, используя фактор внезапности, он вместе со всем войском около трех недель, до подхода Дмитриевой рати, обретался у Дона, дожидаясь русские летописи и фольклорные повести о Куликовской битве, вроде «Задонщины», подхода союзников – войск литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега.

Мамай рассчитывал либо взять с Руси грабительскую дань, многократно превышающую прежнюю, либо в случае разгрома противника в сражении совершить глубокое вторжение в русские земли и с большим «избытком» возместить там недополученную дань – угнанными в полон жителями и отобранным у них имуществом.

Дмитрий, хотя и имел над противником численный перевес, не был полностью уверен в успехе. Ордынское войско было боеспособнее и имело больший военный опыт, поскольку почти целиком состояло из профессиональных воинов, тогда как в русской рати немалую часть составляли неопытные ополченцы. Дмитрий предлагал заплатить сравнительно небольшую дань, однако Мамай настаивал на её резком увеличении.

Летопись говорит, что с Мамаем были следующие народы, выставившие по преимуществу пехотные отряды: «Бесермены, и Армены, и Фрязи, Черкасы, и Ясы, и Боуртасы». Под бесерменами (мусульманами) здесь, скорее всего, имеется в виду какие-то группы населения Северного Кавказа или Азербайджана, буртасы были со Средней Волги, ясы – это осетины, а черкасы – черкесы. Что касается фрязей, то так на Руси тогда называли генуэзцев. Из всех перечисленных народов только эти последние обладали тяжеловооруженной пехотой. Как отмечает Карамзин, из перечисленных народов одни служили Мамаю «как подданные, другие как наемники». Например, генуэзцыставляли свои отряды в помощь татарам по давним договорам с Золотой Ордой. В обмен на военную помощь генуэзским колонистам и купцам в Крыму гарантировались безопасность и право свободной торговли. Скорее всего, Мамай знал о приготовлениях князя Дмитрия к войне и собирал пехоту для того, чтобы отразить атаку русской рати (тяжелые пехотинцы могли сражаться с успехом и против конницы), а затем нанести ослабленному противнику решающий удар.

Если допустить, что войска Мамаю у Непрядвы действительно попали в мешок, то немало его воинов, особенно пехотинцев, неизбежно должно было очутиться в русском плену. Но в Мамаевом побоище пленных со стороны татар не было, и с этим вполне согласны между собой не только русские летописи, но и западноевропейские хроники. В «Немецкой хронике» ливонского историка Линденблата, доведенной до 1420 года, приведено вполне правдоподобное число погибших с обеих сторон на Куликовом поле – до 40 тысяч человек.

В войске Мамаю была довольно многочисленная пехота: генуэзцы, армяне, черкесы, осетины... Если бой действительно шел так, как рассказывают об этом русские летописи и эпические повести, шансов благополучно уйти с поля битвы для Мамаевых пехотинцев не было никаких. Татарская легкая кавалерия еще могла уйти от кавалерии русской, но уж пехота убежать от кавалерии физически не могла. Пехотинцев у Мамаю было минимум несколько тысяч. В войне и генуэзцы, и армяне, и прочие участвовали фактически как наемники, на основе соглашения их правителей с Золотой Ордой. На Куликовом поле они как бы отрабатывали свое жалованье, еще, наверное, надеясь на добычу в предстоящем походе на Русь, а главное – заботились о сохранении собственной жизни. Если бы после удара Засадного полка действительно сложилась безнадежная для Мамаева войска обстановка, те

же генуэзцы или черкесы, не имевшие, в отличие от татарских кавалеристов, шансов убежать, вряд ли бы стали продолжать драться до последней капли крови, а предпочли бы сразу сдаться в плен. А за пленных можно было получить большой выкуп от их состоятельных соотечественников-купцов, обратить в рабство или продать на невольничьих рынках или сделать из них домашних рабов. Можно было, наконец, заполучить опытных солдат к себе на службу.

Можно попытаться объяснить отсутствие пленных особым ожесточением бойцов с обеих сторон. Однако в то время людей убивали только холодным оружием. Чтобы уничтожить несколько тысяч человек, требовался значительный промежуток времени. Русские воины и их командиры наверняка успели бы понять, что противник сдается.

А что же происходило в восточной, заволжской половине Золотой Орды, не подвластной Мамаю? Хан Тохтамыш, поддерживаемый всесильным повелителем Средней Азии «железным хромцом» Тимуром (Тамерланом), вторгся в Заволжье. Судя по монетам, чеканившимся от его имени, весной или летом 1380 года Тохтамыш захватил столицу восточной половины Золотой Орды Сарай ал-Джедид, а также старую ордынскую столицу Сарай ал-Махруса. Как сообщают восточные источники, зиму 1379/80 года Тохтамыш пробыл в столице кок-Орды (Синей Орды) Сигнаке на реке Сыр-Дарье, а «когда наступила весна, привел в порядок войско и завоевал государство и область Мамака». Поэтому можно предположить, что вторжение Тохтамышевых отрядов на территорию Мамаева государства произошло в конце лета или начале осени 1380 года.

Единственное разумное объяснение действий Мамая мне представляется следующим. Он не придал должного значения появлению Тохтамыша на левом берегу Волги, полагая, что тому еще долго придется покорять строптивых мурз и беков. Мамай думал, что немедленный переход Тохтамыша на правобережье ему не угрожает. И просчитался.

Известно, что тогда же, осенью 1380 года, в районе Калки, далеко на запад от Волги, произошло последнее и решающее столкновение войск Мамая и Тохтамыша. Русские летописи утверждают, что после разгрома на Куликовом поле беклярибек пытался собрать новую рать для «изгона», внезапного похода на Москву, но вынужден был направить её против Тохтамыша. Вряд ли Мамай имел реальные возможности собирать новое войско. Ведь он столько времени готовился к войне с Дмитрием, мобилизовав для неё все наличные силы Орды и её союзников. Думается, что против Тохтамыша Мамай пошел с тем же войском, что было с ним на Куликовом поле. Вернее, с теми, кто уцелел в сражении на берегах Непрядвы и Дона. Получается, что уцелевших оказалось достаточно, чтобы Мамай рискнул вместе с ними пойти навстречу столь сильному врагу, как Тохтамыш, а не попытался скрыться в степях до наступления лучших времен. Следовательно, Мамаево войско не было полностью разгромлено и сохранило какую-то боеспособность. Летописцы, искренне уверенные, что почти все татарское войско погибло на Куликовом поле и что Мамай «не во мнозе утече с Доньского побоища и прибеже в свою жемлю в мале дружине», вполне логично заставили татарского полководца перед схваткой с Тохтамышем обзавестись новой армией.

Можно предположить, что в конце лета 1380 года Тохтамыш с основными силами переправился на правобережье Волги. И случилось так, что весть об этом поступила к Мамаю как раз в разгар Куликовской битвы. Теперь о походе на Москву Мамаю пришлось забыть. Даже в случае полного разгрома рати Дмитрия (а скорее всего, в тот момент исход сражения еще далеко не определился) вторжение на Русь теряло смысл. Тохтамыш захватил бы территорию Мамаева государства с зимними стоянками кочевников, которых тот думал вести на Москву. Возвращаться Мамаю было бы некуда. Поэтому единственным возможным для него решением могло быть немедленное прекращение сражения на Куликовом поле, вывод основных сил из боя и быстрое движение навстречу Тохтамышу. Вероятно, задачу Мамаю несколько облегчало то обстоятельство, что к моменту получения рокового донесения о при-

ближении Тохтамыша он еще не успел ввести в дело все свои отряды. Оставшиеся резервы, а также ту часть войск, что еще не успела как следует втянуться в сражение, можно было попытаться незаметно вывести из боя и двинуть против нового врага.

Мы не знаем, сколько времени прошло между Донским побоищем и столкновением на Калке. Можно предположить, что максимум 2–3 недели. Наверняка Тохтамыш узнал о движении Мамае к Дону для последующего похода на Русь и воспользовался легкомысленными действиями соперника, переправившись в пределы его государства, на западный берег Волги.

Чтобы прикрыть отступление своей армии, Мамай должен был оставить сильный арьергард против русской рати. Он оставил для заслона пехоту, у которой все равно не было возможности покинуть поле сражения. Но существовала опасность, что без поддержки кавалерии пехоту легко сомнут воины Дмитрия, а пехотинцы, быстро осознав безнадежность своего положения, просто сдадутся в плен. Поэтому в арьергарде Мамай оставил также часть конницы, поручив её начальнику сражаться до последнего генуэзца. Сами генуэзцы, осетины, черкесы и прочие вряд ли сразу осознали, что характер битвы изменился и что их принесли в жертву ради спасения основной части Мамаева войска. Конники же не давали им сдаться, когда поражение стало явным, заставляя сражаться до конца. И у генуэзцев и прочих оставался незавидный выбор: погибнуть от русской или татарской сабли. А вот конные татары, оставленные в арьергарде, надеялись в самый последний момент прорваться и уйти, рассчитывая на быстроту своих коней. Пехота погибла, как и часть кавалеристов. Уцелевшие всадники ушли и присоединились к основным силам.

Русские о том, что Мамай получил известие о наступлении Тохтамыша, так никогда и не узнали. Но требовалось объяснить, почему посреди жестокой сечи, исход которой еще не определился, татары вдруг обратились в бегство. Вот тут-то и появился в летописях, а потом и в эпических повестях «засадный полк», будто бы обеспечивший победу русской рати.

Мамай после измены войска бежал в Крым, вероятно, надеясь морем переправиться в Закавказье или Малую Азию и там укрыться от Тохтамыша. Так Мамай добрался до Кафы. Но генуэзцы отомстили ему за гибель соотечественников.

Вряд ли тут весомым мотивом убийства служили Мамаевы сокровища, о которых говорят летописи. Ведь до того, как оказаться перед воротами Кафы, Мамай собрал для битвы с русскими все войско, которое смог, и на его содержание должен был потратить львиную долю золота, серебра и драгоценностей, награбленных в прошлых походах, и в Крым, вероятно, прибыл почти нищим.

Своей догадкой я поделился с видным специалистом по истории феодальной Руси доктором исторических наук Борисом Михайловичем Клоссом. Он сказал, что моя версия интересна и надо её обнародовать. И указал на еще один аргумент в её пользу: летописец Троице-Сергиева монастыря знал о приходе Тохтамыша уже в конце сентября 1380 года, через две-три недели после победы у Непрядвы. Мамае же весть о приходе Тохтамыша наверняка достигла раньше.

Тохтамыш

Хан Золотой Орды Тохтамыш (*тат.* Туктамыш-хан) (ум. после 1405) был один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана, что делало его законным претендентом на золотоордынский престол. В 1377 году Тохтамыш при поддержке Тимура приступил к завоеванию Золотой Орды и к весне 1378 года установил контроль над её восточной частью, к востоку от Волги. В том же году Тохтамыш вторгся в западную часть Золотой Орды, которую контролировал темник беклярибек Мамай. После Куликовской битвы Тохтамыш объединил всю Золотую Орду под своей властью. В 1382 году он совершил поход на Москву и сжег её, чтобы заставить князя Дмитрия Донского заплатить задолженность по дани. А для выплаты долга пришлось вводить специальный налог и переплавлять церковную утварь.

Так представлена смерть Тохтамыша в Сибирской земле в русской миниатюре XVI в.

В 1390-х годах потерпел Тохтамыш потерпел ряд поражений от Тимура и в 1395 году вынужден был со своими сторонниками оставить территорию Золотой Орды. В 1400 году он стал ханом Тюменского ханства и с переменным успехом продолжал борьбу со ставленником Тимура в Золотой Орде эмиром Едигеем вплоть до своей смерти в 1406 году. Русский архангелогородский летописец под этим годом приписывает Тохтамышу гибель в сражении с войсками Едигея: «Тое же зимы царь Женибек уби Тактамыша в Сибирской земли близ Тюмени, а сам седе на Орде». Софийская же II летопись убийцу Тохтамыша под тем же 1406 годом именует Шадибекком.

Однако восточные источники не подтверждают насильственную смерть Тохтамыша. Персидский «Аноним Искендера» (Муин-ад-дин Натанзи), написанный в 1414 году, утвер-

ждает, будто Тохтамыш умер естественной смертью в 1397–1398 годах в Тюмени. Дата явно ошибочна, так как в 1405 году посол Тохтамыша встретился с Тимуром и предложил тому союз. Об этом сообщает «Зафар Наме» («Книги побед»), написанная в 1419–1425 годах персидским историком Шереф-ад-дином Али Иездидом. Тимур готов был примириться с давним врагом и вернуть ему улус Джучи, но не успел, поскольку через месяц, 18 февраля 1405 года, умер. Вскоре умер и Тохтамыш, который к тому времени сильно болел.

После этого в восточных хрониках имя Тохтамыша больше не встречается. Но и ни о каком походе войск Едигея в Сибирь там не говорится. После смерти Тимура между его вассалами началась междоусобица, и им явно было не до похода в Сибирь. Скорее всего, Тохтамыш скончался в ближайшие годы после смерти Тимура. Кстати, мы так и не знаем, даже приблизительно, когда родился Тохтамыш. Не исключено, что к моменту смерти он, как и Тимур, был глубоким стариком. И уж во всяком случае непонятно, откуда архангелогородский летописец, составленный в XVII веке, знает о походе в Сибирь мифического хана Джанибека, о котором молчит гораздо более близкий и по времени, и по месту персидский историк. Скорее всего, русским летописцам очень хотелось, чтобы разоривший Москву «злой царь Тохтамыш» умер не своей смертью. По всей вероятности, автор «Анонима Искендера» Муин-ад-дин Натанзи верно указал, что Тохтамыш умер своей смертью, но неверно указал её дату – 1397–1398 годы, тогда как в действительности хан умер не раньше 1405 года. В сочинении конца XVII века турецкого историка Ахмеда Деде «История сельджуков» говорится о смерти Тохтамыша в 807 г. х. (1404–1405 годах) у Тюмени. Если это сообщение верно, то можно предположить, что Тохтамыш умер в 1405 году вскоре после смерти Тимура.

Агнесса Сорель

Агнесса Сорель. Гравюра XVIII в.

Агнесса Сорель (1422–1450), прожившая короткую жизнь (в момент смерти ей, по всей видимости, не было и 28 лет), была любовницей французского короля Карла VII. Она родилась в дворянской семье в деревне Фроменсто в Турени. Агнесса была фрейлиной Изабеллы Лотарингской, герцогини Анжуйской, и очаровала короля своей красотой. Агнесса считалась официальной фавориткой и имела от Карла трех дочерей – Марию Маргариту Валуа (1444–1473), Шарлотту Валуа (1446–1477) и Жанну Валуа (1448–1467). Будучи беременной в четвёртый раз, Агнесса внезапно умерла 9 февраля 1450 года, перед смертью родив ребенка, который, по всей видимости, не выжил. Первоначально предполагалось, что она скончалась от дизентерии, но потом в её убийстве был обвинён Жак ле Кёр, советник короля Карла VII и крупный бизнесмен, благодаря обширной торговле в Леванте наживший огромное состояние и заведовавший королевскими финансами. Ему были должны крупнейшие

вельможи, и это было весомым поводом, чтобы постараться избавиться от банкира. Помимо убийства королевской любовницы ему инкриминировали изготовление фальшивой монеты и государственную измену. Доказать ничего не удалось, тем не менее 31 июля 1451 года, через 18 месяцев после смерти Агнессы, Кёра заключили под стражу, лишили всего состояния и в июне 1453 года изгнали из Франции. В 1455 году он добрался до папы Николая V, который вверил Кёру командование над частью флота против турок. Каликст III, преемник Николая, подтвердил это назначение. Жак ле Кёр умер 25 ноября 1456 года на острове Хиос во время экспедиции по освобождению от турок Родоса. Перед смертью он обратился к Карлу VII с просьбой вернуть имущество. И часть конфискованного дети Кёра все-таки получили назад.

Причины смерти Агнессы Сорель с уверенностью нельзя назвать и сегодня. Сын Карла и будущий король Людовик XI, который ранее четыре года воевал со своим отцом, также подозревался в убийстве Агнессы, которая будто бы настраивала Карла против него. Заметим, что, в отличие от Жака ле Кёра, Людовик, по крайней мере, имел мотив убить любовницу отца. В 2005 году французский судебный медик Филипп Шарлье, исследовав останки Агнессы, пришел к выводу, что она умерла от отравления ртутью. Но ртуть тогда входила в состав косметики и некоторых лекарств против паразитов. Кроме того, неизвестно, когда и как следы ртути оказались в могиле. Также вполне можно допустить, что Агнесса умерла от родовой горячки, ставшей следствием сепсиса, или от дизентерии. Сегодня нет весомых доказательств ни одной из версий.

Гробница Агнессы Сорель

Царевич Дмитрий

Царевич Дмитрий (1582–1591) был младшим сыном царя Ивана IV Грозного от Марии Нагой, шестой или седьмой его жены, которая по церковным канонам считалась незаконной.

Фактический правитель государства после смерти Ивана Грозного при царе Федоре Борис Годунов, на чьей сестре Ирине Федор был женат, опасался, что родственники матери Дмитрия, царицы Марии, Нагие вместе с оппозиционными Годуновым Шуйскими могут в случае смерти Федора лишить его, царского шурина, власти, возведя на престол Дмитрия. Вот почему и совершается убийство царевича. Обычно современники и позднейшие историки в качестве убийцы указывали на дьяка Михаила Битяговского, опекавшего вдову Грозного и её сына и, в частности, распоряжавшегося выделяемыми на их содержание денежными суммами. Нагие, постоянно конфликтовавшие на этой почве с Битяговским, натравили на него толпу горожан, и несчастного буквально растерзали.

Царевич Димитрий и изображение сцены убийства. Икона XVII в.

Но когда «обыск» (следственное дело) о гибели царевича Дмитрия было подвергнуто тщательному анализу, у профессиональных историков не осталось сомнений в невиновности Годунова. В 1913 году В.К. Клейн провел палеографическое исследование текста «обыска». Основные материалы дела были переписаны семью разными почерками. Следствие проводил боярин Василий Иванович Шуйский, симпатий к Годунову, умертвившему его дядю И.П. Шуйского, явно не питавший. В помощнике же хитрому боярину был назначен человек Годунова окольный А.П. Клешнин. Следственная комиссия Шуйского и Клешнина пришла к заключению, что царевич погиб в результате несчастного случая. Учитывая разные политические предпочтения руководителей комиссии, им достаточно сложно было бы договориться о фальсификации следственных материалов в пользу Годунова. Правда, в дальнейшем Шуйский под влиянием конъюнктуры неоднократно менял свои показания по делу Дмитрия, в момент торжества Лжедмитрия I даже подтвердив, что царевич будто бы

чудесным образом остался жив, а в Угличе погиб другой мальчик. Однако сохранившиеся бумаги следствия не оставляют сомнений, что первоначальная версия о случайной смерти Дмитрия была истинной. Даже сегодня мало какие спецслужбы мира располагают средствами для столь тонкой подделки, что уж тут говорить о конце XVI века.

Вернемся к угличскому делу. Если предположить, что оно фальсифицировано, то возникает вопрос: а надо ли было привлекать семь писцов, делавших беловую копию следственных материалов? К тому же входившие в следственную комиссию подьячие, записав показания свидетелей, предлагали им заверить сказанное подписью. И в деле сохранилось два десятка автографов угличан, ставших очевидцами событий. Как установил В.К. Клейн, эти подписи строго индивидуализированы, отражают разную степень грамотности свидетелей, соответствующую их социальному положению и профессии. Данные подписи никак не могли выполнить один или даже несколько фальсификаторов. Да и сами показания рисуют столь сложную картину происшедшего, нередко драматически противореча друг другу, что для создания поддельного сценария следственных материалов его творец должен был обладать талантом Шекспира или Пушкина.

В первый же день заговорили об убийстве Дмитрия. Её рьяным сторонником выступал дядя царицы Марии Михаил Нагой. Вину за смерть царевича он возлагал на сына уже известного нам дьяка Битяговского Данилу, племянника дьяка Никиту Качалова и других близких к ним людей. Однако утверждения Нагого были тотчас опровергнуты независимо друг от друга несколькими свидетелями. Так, вдова Битяговского показала: «Муж мой Михайло и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан». Отец Богдан был духовником Григория Нагого, особых симпатий к Битяговскому не питал и пытался выгородить царицу и её братьев, настаивая на их непричастности к убийству дьяка, будто бы самочинно убитого посадскими людьми после гибели царевича. Богдан тем не менее подтвердил, что обедал вместе с Битяговским как раз в тот момент, когда случилось трагическое происшествие с Дмитрием и в городе ударили в набат. Несчастный дьяк и его сын, следовательно, имели алиби, а преступниками их считала только подстрекаемая Нагими угличская толпа.

Показания свидетелей также с несомненностью доказывают, что Михаил вообще не был очевидцем гибели Дмитрия. Он прискакал «мертв пьян» во дворец уже после того, как ударили в колокол, и натравил народ на Битяговского. Протрезвев, дядя царицы понял, что натворил, спровоцировав убийство царского дьяка. Накануне приезда В.И. Шуйского он приказал своим людям найти несколько ножей и палицу и положить их на трупы отца и сына Битяговских, сброшенных в ров у крепостной стены. Однако члены комиссии легко разоблачили этот подлог. Угличский городской приказчик Русин Раков признался, что нашел у посадских людей два ножа и принес их Нагому, а последний распорядился зарезать курицу и вымазать ножи её кровью. На очной ставке резавший курицу слуга все подтвердил. А брат Михаила Григорий рассказал, как тот доставал из-под замка «ногайский нож» – еще одну сфабрикованную улику.

Версия же гибели царевича в результате несчастного случая была выдвинута непосредственными очевидцами случившегося. В полдень 15 мая Дмитрий с ребятами во дворе играл ножичком в «тычку» (сейчас эта игра называется «ножички»). Вместе с царевичем была мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова с сыном Баженко, приходившимся Дмитрию молочным братом, постельница Марья Колобова с сыном Петрушкой и еще два «жильца» (отобранные в свиту царевича его сверстники). Мальчиков допрашивали с особой тщательностью, полагая, что устами младенца глаголет истина, поскольку детей гораздо труднее, чем взрослых свидетелей, научить складно, без запинки врать, не путаясь в деталях и отвечая на все каверзные вопросы следователей. Шуйский интересовался, «кто в те поры за царевичем были». «Жильцы» и сыновья кормилицы и постельницы согласно показали,

что «были за царевичем (то есть возле царевича. – Б. С.) в те поры только они, четыре человека, да кормилица, да постельница». Они категорически отрицали, что вместе с царевичем были еще сын мамки Осип Волохов, Данила Битяговский и Никита Качалов. Происшествие жильцы описали следующим образом: «...Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь – падучий недуг – и набросился на нож».

Взрослые очевидцы вполне подтвердили показания ребят. Подключники Ларионов, Иванов и Гнидин – служители царицына двора в Угличе – заявили, что, когда царица Мария села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно, деи, бежит вверх жилец Петрушки Колобов, а говорит: тешился, деи, царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла, деи, на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом сам и оттого умре».

Постельница Колобова, кормилица Тучкова и мамка Волохова подтвердили свидетельства жильцов и подключников. Кормилица, например, в присутствии царицы и Шуйского возложила на себя всю вину за смерть Дмитрия: «...Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...» Царица Мария, однако, не стала наказывать верную служанку, а удовлетворилась насильственной смертью ненавистных Битяговских.

Нашелся и еще один очевидец гибели Дмитрия, совершенно случайный. Приказной царицы Протопопов заявил следователям, что услышал о смерти царевича от ключника Толубеева, а тот в свою очередь показал, что печальную весть узнал от стряпчего Юдина. В ходе очной ставки, устроенной всем троим, выяснилось, что в момент происшествия Юдин находился в верхних покоях «у поставца» и как раз смотрел в окно, выходившее на задний двор. Он увидел, как царевич, играя в «тычку», напоролся на нож. Близкий к Нагим Юдин хорошо знал выдвинутую ими версию об убийстве Дмитрия людьми Бориса Годунова и потому отнюдь не горел желанием обнародовать свои показания, данную версию полностью опровергавшие. Если бы комиссия от других свидетелей не узнала о нем как об очевидце несчастного случая, свидетельство Юдина вряд ли вообще дошло бы до нас.

То, что Дмитрий действительно страдал «падучей болезнью» (эпилепсией), подтверждали многие свидетели. Приступы случались у него почти ежемесячно. Примерно за месяц до гибели у царевича был особенно сильный припадок. Тогда, по показаниям мамки Волоховой, Дмитрий «объел руки Ондрееве дочке Нагова, едва у него... отняли». Андрей Нагой подтвердил, что царевич у его дочери «руки переел», подобно тому как прежде нередко во время приступов «руки едал» у окружающих; если его пытались держать, «в те поры есь в нецывенье (в неистовстве. – Б. С.) за что попадетца». А вдова Битяговского рассказала комиссии: «Многажды бывало, как его станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой, и кормилица, и боярони, и он... им руки кусал или за что ухватил зубом, то объест».

Последний роковой приступ болезни длился у Дмитрия пять дней. Он начался во вторник. В четверг царевичу «маленько стало полехче», и мать отправилась с ним к обедне, а потом отпустила погулять. В субботу, 15 (25) мая 1591 года, он повторно вышел на прогулку, и тогда-то и произошел несчастный случай, когда внезапно возобновился приступ падучей.

Не вызывает также сомнения, что в момент этого приступа Дмитрий в самом деле играл в «тычку». Свидетели показали, что царевич «играл через черту ножом», «тыкал нож», метал остроконечный нож в нарисованный на земле круг. Находившиеся возле Дмитрия жильцы утверждали, будто он «набросился на нож». Василиса Волохова описала происшедшее более подробно: «...Бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло». Другие свидетели отмечали, что Дмитрий укололся ножом, «бьючися» или «летьчи» на землю, то есть либо во время конвульсий уже на земле, либо еще при падении. Несомненно, нож поразил или сонную артерию, или яремную вену, что было ранением безусловно смертельным.

Нагие, пытаясь снять с себя ответственность за расправу над Битяговскими, стали распространять слухи, что царевича Дмитрия убили подосланные Годуновым люди. Правитель при первой возможности отомстил родне царицы и за гибель своего дядя, и за клевету. Нагих обвинили в поджоге Москвы после очередного пожара в столице и посадили в тюрьму, а лишившуюся единственного сына царицу Марию насильно постригли в монахини и отправили в Кирилло-Белозерский монастырь.

XVIII век

Карл XII

Шведский король Карл XII (1682–1718) прославился своим полководческим талантом и громкими победами в Великой Северной войне, но в конце концов его армия была разбита русской армией царя Петра I в июле 1709 года под Полтавой. После поражения Карл укрылся в турецких Бендерах, откуда был выпущен только в ноябре 1714 года. Султан отпустил короля, который через Венгрию и Германию в сопровождении одного слуги за 15 дней вернулся в удерживаемый Швецией Штральзунд в Померании, а затем, год спустя, и в Швецию. Весной 1716 года, собрав новую 7-тысячную армию, Карл двинулся походом в Норвегию, которая тогда принадлежала Дании. Шведам удалось захватить столицу Норвегии Христианию (Осло), но из-за недостатка осадных орудий они не смогли взять крепость Акершус и в конце апреля вынуждены были отступить. В середине мая 1717 года Карл вновь вторгся в Норвегию и осадил крепость Фредрикстен. Но и на этот раз королю пришлось отступить, после того как осажденные артиллерийским огнем подожгли город Фредриксхальд (Хальден), где базировались шведы. К тому же датский флот разбил шведский в июле 1717 года. Армия Карла осталась без снабжения и вынуждена была отступить. Карл пытался достичь мира с Россией и начал переговоры с ней на Аландских островах, но после его смерти переговоры прервались. В 1718 году Карл вновь вторгся в Норвегию с 50-тысячной армией. 11 декабря 1718 года при осаде крепости Фредрикстен он погиб. Карл находился в передовой траншее и был поражен пулей, будто бы сделанной из серебряной пуговицы. По одной из версий, он стал жертвой заговора шведской аристократии, недовольной продолжением разорительной войны. Тело короля было эксгумировано трижды – в 1746, 1859 и 1917 годах. Выяснилось, что пуля вошла ему в левый висок и вышла с правой стороны черепа. Также и в шляпе короля дырка оказалась только слева, что указывало на датский след – пуля прилетела слева и сверху, то есть со стороны крепости.

Карл XII. Гравюра начала XVIII в.

В этой траншее уже погибло почти 60 шведских солдат. Карл дождался полной темноты. Но стены крепости все равно освещались факелами. К тому же датчане периодически стреляли зажигательными бомбами, освещавшими окрестности. Хотя рядом с королем находилось много солдат и офицеров, сам момент выстрела никто не запомнил. Наиболее вероятной считается датская версия. Карл, безусловно, находился в досягаемости ружейного огня датчан, оборонявших Фредрикстен, но дальность прицельного выстрела тогда не превышала 60 метров, так что смертельное ранение Карла было, по сути, случайным. Хотя стрелок и мог стараться попасть именно в короля, но сам по себе точный выстрел был делом случая.

Следы смертельного ранения на черепе Карла XII.

Здесь тоже существует две теории. По одной – Карл был убит ружейной (мушкетной) пулей или картечью. Однако версия картечи кажется маловероятной. В этом случае в короля, скорее всего, попала бы не одна, а несколько картечин, да и кто-то из окружающих как минимум был бы ранен. Король был поражен как раз в тот момент, когда высунулся над бруствером, что тоже говорит в пользу датской версии. Теории заговора в качестве убийц называют разных лиц – от находившегося рядом солдата, этим выстрелом желавшего положить конец войне, до специально подосланных убийц. Версия по поводу солдата, застрелившего своего короля, кажется не слишком убедительной, учитывая популярность Карла в армии. На роль возможных заговорщиков определяют лиц, близких к Фридриху (Фредрику I) Гессен-Кассельскому, мужу сестры Карла Ульрики Элеоноры, после короткого царствования которой трон в 1720 году перешел к Фредрику. Среди возможных убийц называют адъютанта Фредрика Андре Сикре, который будто бы признался в этом в бреду, когда лежал в лихорадке, но, выздоровев, от этого признания отрекся. По другой версии, убийцу подослала группа богатых шведов, недовольных новым 17-процентным налогом на имущество богатых, который Карл собирался ввести. А финский архитектор и историк-любитель XX века Карл Нордлинг утверждал, будто королевский хирург Мельхиор Нейман увидел во сне, как король явился ему и сказал, что он был застрелен не из крепости, а тем, кто подполз к нему. Экспертиза 1859 года пришла к выводу, что расположение входящего и выходящего отверстий точно соответствует выстрелу, произведенному с одного из фортов крепости, тогда как эксперты 1746 и 1917 годов склонялись к версии убийства кем-то из своих.

Траурная процессия с телом Карла XII. Художник Г. Седерстр  м. 1884 г.

На наш взгляд, более вероятной представляется версия гибели короля Карла от датской пули. В случае, если бы выстрел в Карла производили в упор из пистолета, голова короля оказалась бы опаленной, однако никаких указаний в источниках на это нет, хотя свидетели не могли не заметить ожога такого рода. Прицельно же выстрелить в Карла из траншеи, в которой он находился, оставаясь от него на некотором расстоянии, было затруднительно, принимая во внимание окружавшую Карла толпу. Версия, будто убийца лежал у траншеи, дожидаясь Карла, кажется абсурдной. Ведь он не мог знать, какую именно траншею и когда посетит Карл. Да и в Норвегии в декабре на снегу долго не полежишь. Версии об убийстве исходили из кругов, не симпатизировавших королю-воину, который, как они думали, вверг Швецию в бесконечную и безнадежную войну. Хотя войну ведь начал не Карл, а противостоявшая ему коалиция. Карл же только оборонялся, причем довольно удачно, хотя в конце концов и потерпел поражение.

Царевич Алексей Петрович

Царевич Алексей Петрович в латах. Художник К. Бернхард. 1710–1718 гг.

Царевич Алексей Петрович (1690–1718) был сыном царя Пётра от первой и нелюбимой жены Евдокии Лопухиной. Он не разделял реформаторских устремлений отца и не имел склонностей заниматься государственными делами, к чему его безуспешно пытался приучить Пётр. В 1716 году из-за требований отца постричься в монахи Алексей сбежал в Европу. С помощью начальника Санкт-Петербургского адмиралтейства А.В. Кикина выехал в Польшу якобы для того, чтобы навестить отца, находившегося тогда в Копенгагене, но из Гданьска тайно бежал в Вену, где нашел приют у австрийского императора. Посланные царем на его розыски Пётр Толстой и Александр Румянцев обнаружили Алексея в 1717 году в неаполитанском замке Сант-Эльмо и посулами и угрозами вынудили царевича вернуться в Россию. Император Карл VI тяготился пребыванием Алексея, так как Пётр был фактическим союзником Австрии против Швеции, но был готов отпустить его только в случае добровольного согласия царевича вернуться на родину. Толстой предъявил Алексею письмо Петра, где царевичу гарантировалось прощение любой вины в случае немедленного возвращения в Россию. Он вернулся в Петербург в начале 1718 года. В феврале он отрекся от прав на пре-

стол в пользу своего брата Петра, сына царя от Марты Скавронской, будущей императрицы Екатерины I. Он выдал Кикина и других лиц, способствовавших его побегу, и они были казнены. Но Пётр объявил, что Алексей признал не все свои вины. Его любовница Ефросинья утверждала, что царевич собирался использовать для захвата престола австрийские или шведские войска и поднять мятеж в русской армии. Насколько справедливы были эти показания, сказать нельзя, поскольку Ефросинья давала их под угрозой смерти. Пётр предал сына суду из 127 высших сановников, приговорившего его к смерти как изменника. Алексей умер в Петропавловской крепости 26 июня (7 июля) 1718 года, через два дня после приговора, по официальной версии, от апоплексического удара (инсульта), успев перед смертью покаяться и причаститься. В XIX веке был найден документ, согласно которому уже после вынесения приговора царевича пытали, что и могло послужить причиной смерти. Ходили многочисленные слухи, что царевич был убит по приказу Петра, чтобы не допустить публичной казни представителя царствующей династии. В исполнении убийства подозревали фаворита царя Александра Меншикова. Однако никаких доказательств убийства Алексея Петровича до сих пор не найдено. Тем не менее версия с убийством кажется более вероятной, чем смерть от естественных причин, поскольку у Петра действительно был мотив не допустить казни сына, но и оставлять его в живых. Это могло быть сделано как палачом в результате пытки, так и специально подосланным убийцей из числа приближенных царя. Смерть же 28-летнего царевича от инсульта кажется маловероятной.

Пётр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе. Художник Н.Н. Ге. 1871 г.

Пётр I

Первый российский император Пётр I Великий (1672–1725) прославился как реформатор, приобщивший российское дворянство к европейской цивилизации и приблизивший российский государственный аппарат к западноевропейскому. Как полководец, Пётр прославился победой над Швецией в Великой Северной войне, созданием российского флота и завоеванием Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии, что обеспечило России выход к Балтийскому морю.

Пётр I. Гравюра XIX в.

Пётр Великий скончался в начале шестого часа утра 28 января (8 февраля) 1725 года в Зимнем дворце в основанном им Санкт-Петербурге. Глава правительства Шлезвиг-Гольштейна Геннинг Фридрих Бассевич, находившийся в Петербурге в связи с предстоящим браком дочери императора Анны с гольштинским герцогом Карлом Фридрихом, так описал последние дни Петра: «Очень скоро после праздника Св. Крещения 1725 г. император почув-

ствовал припадки болезни, окончившейся его смертью. Все были очень далеки от мысли считать её смертельной, но заблуждение это не продолжалось и восьми дней. Тогда он приобщился Св. Тайн по обряду, предписываемому для больных греческою церковью. Вскоре от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу, и он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина. Страшный жар держал его почти в постоянном бреду. Наконец в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать; но его отяжелевшая рука чертила буквы, которые невозможно было разобрать, и после его смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: “Отдайте все...” (*renez tout a...*). Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут; она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которое более к нему не возвращалось. В этом состоянии он прожил однако ж еще 36 часов».

По официальной версии, смерть наступила от воспаления лёгких. Похоронен Пётр был в соборе Петропавловской крепости. Императору было 52 года. В последние годы Пётр сильно болел. У него подозревали мочекаменную болезнь или какое-то иное заболевание почек или печени. Вскрытие показало, что произошло «резкое сужение в области задней части мочеиспускательного канала, затвердение шейки мочевого пузыря и антонов огонь». Смерть последовала от воспаления мочевого пузыря, перешедшего в гангрену на почве задержки мочи, вызванной сужением мочеиспускательного канала. Уремия, вызвавшая смерть, скорее всего, стала следствием недолеченной гонореи или иной венерической болезни, что вызвало сужение мочеиспускательного канала. Пётр, как известно, отличался чрезвычайным любвеобилием. Официальная же версия призвана была связать смерть Петра с его последним героическим поступком, когда в ноябре 1724 года у Лахты ему пришлось, стоя по пояс в воде, спасать севший на мель бот с солдатами. В результате император простудился. Однако простуда в действительности не привела к воспалению легких и вряд ли могла способствовать обострению уремии.

Пётр I на смертном одре. Художник И.Н. Никитин. 1725 г.

Пётр III

Императору Петру III (1728–1762) сильно не повезло в русской истории. Царствовал он очень недолго, всего полгода, затем был свергнут своей властолюбивой и любвеобильной супругой, названной впоследствии Екатериной Великой. Её величие, признанное современниками и потомками, заставляло историков искать убедительное в глазах публики оправдание свершенной Екатериной узурпации престола. Поэтому в их трудах Пётр III предстает слабоумным дегенератом, не способным к государственному правлению, да к тому же глубоко презиравшим все русское.

Пётр III. Художник Ф.С. Рокотов. XVIII в.

При императрице Елизавете Россия в союзе с Австрией и Францией вела успешную Семилетнюю войну против прусского короля Фридриха III Великого – кумира Петра III. Но 24 апреля (5 мая) 1762 года Пётр III подписывает с прусским королем сепаратный мирный договор, по которому не только выводит русские войска со всех оккупированных территорий, но и обязуется оказать помощь Фридриху в борьбе против Австрии. Офицеры ропщут: у них украли верную победу.

Сегодня, по прошествии двух с лишним столетий, данный шаг Петра III не кажется столь уж безумным. Крах Пруссии России был невыгоден, поскольку тогда непомерно усилилась бы Австрийская империя, которой государство Фридриха Великого служило необходимым противовесом. Не случайно Екатерина II, взойдя на престол всего через два месяца после замирения с Фридрихом, войну с Пруссией возобновлять не стала, а через несколько лет все равно заключила с Фридрихом союз.

Преклонение перед прусским королем привело Петра III к мысли перестроить российскую армию по прусскому образцу. Если разобраться, сама идея была достаточно здравая. Фридрих Великий заслуженно пользовался славой лучшего полководца своего времени, а прусская армия, хотя и терпевшая тяжелые поражения от значительно превосходящих сил австро-франко-русской коалиции, по своим боевым качествам оставалась первой в Европе. Беда была в другом. Почти совсем незнакомый с российской жизнью, Пётр III пытался скопировать у Фридриха все – вплоть до деталей формы и всех пунктов уставов. Между тем человеческий материал в прусской и русской армиях был различен. В войске Фридриха служили преимущественно профессиональные солдаты – наемники, за службу получавшие деньги и осознанно выбравшие свой жизненный путь. Их легче можно было заставить подчиняться жестокой палочной дисциплине, муштре, доводящей до автоматизма отработку всех приемов и действий. С такими солдатами действительно можно было совершать быстрые и сложные маневры на поле боя, что и обеспечивало успех. Русская же армия состояла из подневольных рекрутов, призванных отбывать 25-летнюю повинность. Их очень трудно было заставить подчиняться муштре, да и дворяне-офицеры больше привыкли не шагистикой с солдатами заниматься, а использовать солдат на собственных огородах. Так что нововведения Петра III не нравились ни рядовым, ни командирам.

Пётр III приблизил к себе вельмож-немцев, сосланных при Елизавете: легендарного герцога Бирона, графа Лестока, сыновей покойного канцлера Остермана, фельдмаршала Миниха. Приблизил к себе Пётр III семейство Воронцовых, к которому принадлежала его фаворитка Елизавета Воронцова. К моменту восшествия на престол Пётр III уже много месяцев фактически жил врозь с женой Екатериной, несколько ранее, в феврале 1762 года, родившей внебрачного сына от своего тогдашнего любовника, красавца гиганта Григория Орлова (отпрыск Екатерины стал графом Алексеем Бобринским). Вокруг неё группировались удаленные от власти русские царедворцы и те, кто рассчитывал возвыситься, – Орловы, Панины, Разумовские... Пётр III в какой-то мере помог успеху заговорщиков, ликвидировав своим указом – в рамках задуманных на европейский лад преобразований – Тайную канцелярию, выполнявшую функции секретной службы. Братья Орловы и их товарищи могли спокойно агитировать за Екатерину в гвардейских полках. Правда, накануне переворота один из заговорщиков, капитан Пассек, все-таки был арестован, однако это не спасло Петра III.

В день переворота, 28 июня 1762 года, император пребывал в своем любимом Ораниенбауме, императрица – в Петергофе, куда один из братьев Орловых, Григорий, накануне принес весть об аресте Пассека. К тому времени в заговоре участвовало до 40 гвардейских офицеров и до 10 тысяч рядовых. Решено было поднимать полки. Гвардейцы ввели Екатерину в Казанский собор, где отслужили торжественный молебен в честь её восшествия на престол, затем новую императрицу солдаты Семеновского и Измайловского полков буквально внесли в Зимний дворец. Здесь ей присягнули Сенат и Синод. Все это свершилось уже к 10 часам утра. В это время Пётр III, еще ничего не подозревая, отправился в Петергоф к императрице. В Петергофе император и его свита Екатерину не обнаружили и пришли в большое смущение. Тут появился крестьянин с запиской от бывшего императорского камердинера Брессона, которого Пётр III сделал директором гобеленовой мануфактуры в Петербурге. Брессон сообщил о происшедшем перевороте, а в три часа дня ту информацию подтвердил приплывший в Петергоф на шлюпке голштинский офицер.

Миних предложил добраться до Кронштадта на Яхте, а оттуда на военном корабле отплыть за границу, где призвать на помощь находившуюся в Германии русскую армию. Однако только в десятом часу вечера императорская яхта в сопровождении гребной галеры взяли курс на Кронштадт. К тому времени порт уже был занят войсками, верными Екатерине. Миних предложил Петру III на галере добраться до Ревеля, а оттуда на военном корабле отплыть к армии в Померанию. Старый фельдмаршал ручался, что таким образом император не позднее чем за шесть недель восстановит контроль над Петербургом и всей Россией. Если бы Пётр III успел в Ревель, а потом к заграничной армии раньше, чем туда прибыли бы рескрипты Екатерины, соответственно, у него оставались бы шансы на успех. Учитывая нелюбовь офицеров к свергнутому императору, представляется все же сомнительным, что Петру III удалось бы вернуть трон, даже последуй он совету Миниха. Вероятно, самым целесообразным было просто скрыться за границей. Однако император предпочел не рисковать. Он вернулся в Ораниенбаум и решил вступить в переговоры с Екатериной, предлагая ей разделить власть. Никаких сил, кроме нескольких голштинских батальонов, за свергнутым императором не было, и нелюбимая супруга не сочла необходимым даже ответить на это предложение.

Утром 29 июня гусары под командованием Алексея Орлова вошли в Петергоф, следом двинулись пехотные полки. В 11 часов здесь верхом появилась императрица, восторженно приветствуемая войсками. К тому времени император сам выразил намерение отречься от престола и в первом часу был привезен в Петергоф генералом Измайловым. Петра III поместили под домашний арест в дворцовый флигель. Здесь от перенесенных потрясений он упал в обморок. Один из главных заговорщиков граф Никита Иванович Панин вспоминал о свергнутом императоре: «... Я считаю несчастьем всей моей жизни, что принужден был видеть его тогда. Я нашел его утопающим в слезах. Он бросился ко мне, пытаясь поймать мою руку, чтобы поцеловать её, любимица его бросилась на колени, испрашивая позволения остаться при нем. Пётр также только о том и просил...» Однако императорскую любовницу Елизавету Воронцову тотчас отправили в Москву, где срочно выдали замуж. Очевидно, убийство Петра III было задумано сразу же, и заговорщики спешили избавиться от опасного свидетеля, чтобы не брать лишнего греха на душу. Чтобы утешить и усыпить бдительность арестованного, ему позволили оставить скрипку, собаку и прислужника-арапчонка (как свидетель он опасности не представлял).

Вечером того же дня Петра под усиленным конвоем отправили в загородный дворец в Ропше. Слуги, сопровождавшие арестанта, не без оснований предупреждали его: «Батюшка наш! Она прикажет умертвить тебя!» Свергнутый император тоже начал испытывать определенную тревогу насчет своей дальнейшей участи. Он пытался уверить императрицу в своей полной безобидности. Например, 30 июня Пётр писал Екатерине: «Ваше величество, можете быть во мне уверены: я не подумаю и не сделаю ничего против вашего царствования» — и просил ускорить свой отъезд «с назначенными лицами (Елизаветой Воронцовой) в Голштинию».

Но Екатерина II отпускать его не собиралась. И вот уже Алексей Орлов, вместе с несколькими офицерами экс-императора в Ропше, пишет императрице: «Матушка милостивая Государыня; здравствовать Вам мы все желаем... Урод наш очень занемог... Как бы сего дня или ночью не умер». Возможно, это попытка создать алиби на будущее, чтобы уверить общественность в будущей скоростижной смерти Пётра III «от естественных причин». Не исключено, что первоначально бывшему императору думали дать яд, чтобы потом его тело без следов насилия можно было предъявить публике, в том числе и иноземным послам. Но случилось так, что Пётра убили иначе.

6 июля 1762 года Алексей Орлов прислал отчаянное по форме и страшное по содержанию письмо: «Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случи-

лось. Не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка, готов итить на смерть. Но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя – но, Государыня, свершилась беда, мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князем Федором (Барятинским. – *Б. С.*), не успели мы разнять, а его уж и не стало, сами не помним, что делали, но все до единого виноваты – достойны казни, помилуй меня хоть для брата; повинную тебе принес и разыскивать нечего – прости или прикажи скорее окончить, свет не мил, прогневили тебя и погубили души навек!»

Убийство Петра III. Гравюра конца XVIII в.

Как именно убивали Петра III, мы навряд ли когда-нибудь узнаем с абсолютной точностью. По одной из версий, Алексей Орлов с офицерами в обычном для них пьяном состоянии заставили своего узника, жаловавшегося на сильные головные боли и общую слабость, играть с ними в карты и спровоцировали за карточным столом ссору. Князь Федор Барятинский ткнул Петра III вилкой, а в начавшейся свалке несчастному проломили череп (по другой версии, удушили). Манифест Екатерины о кончине супруга – «бывшего императора Петра III» причиной его смерти называл «прежестокую геморроидальную колику». Посол Франции в Петербурге де Брейтель по поводу того, как императрица демонстрировала окружающим глубокое горе в связи со смертью ненавидимого ею мужа, записал в дневнике: «Эта комедия внушает мне такой же страх, как и факт, вызвавший её». За границей мало сомневались, что Пётр III был убит по тайному приказу императрицы. Тем более что похороны умершего экс-монарха были организованы очень скромно в Александро-Невской лавре, а императрица, якобы по просьбе Сената, «шествие свое в неевский монастырь к телу бывшего императора Петра Третьего отложить изволила».

Гробница Петра III в Петропавловской крепости

Несколько лет спустя граф Воронцов как-то встретил князя Федора Барятинского, согласно преданию первого бросившегося на свергнутого императора с вилкой, и спросил его: «Как ты мог совершить такое дело?» На что несколько удивленный князь ответил: «Что тут было делать, мой милый? У меня было так много долгов». Здесь фактически содержится признание, что Барятинский действовал отнюдь не по собственной воле и тем более не под влиянием сиюминутного настроения. Получается, что ему заранее обещали заплатить за участие в убийстве поверженного императора, заплатить покрытием его немалых карточных и иных долгов. Между тем сам Алексей Орлов в тот момент еще не располагал сколько-нибудь значительными денежными суммами. Баснословное богатство свалилось на

семейство фаворита-временщика уже после воцарения Екатерины. Только она могла благодетельствовать Барятинского, Алексея Орлова и других убийц Петра. Значит, они заранее заручились согласием императрицы не только на «прощение», но и на весьма существенные награды за содеянное.

Ломоносов Михаил Васильевич

Великий русский химик и физик и не столь великий поэт Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1768) происходил из семьи архангельских дворцовых крестьян Куростровской деревни Холмогорского уезда Архангельской губернии. Его гений позволил Ломоносову со временем достичь потомственного дворянства и чина статского советника с жалованьем 1875 рублей в год. Но чтобы поступить в Славяно-греко-латинскую академию, Михаилу пришлось подделать документы и выдать себя «за сына холмогорского дворянина». Затем талантливого студента отправили учиться в Германию, где он не только постигал основы европейских наук, но и пристрастился к пьянству, причем этот порок сопровождал его до самых последних дней жизни. Перенял Ломоносов и манеры в германских кабаках, которые, впрочем, от русских не сильно отличались. Ведя постоянную борьбу с «немецкой партией» в Петербургской академии, Ломоносов редко когда приходил на её заседания трезвый и порой поколачивал своих противников палкой. Жалобам на него не давали хода, потому что он пользовался покровительством императриц – Елизаветы, а потом Екатерины II.

М.В. Ломоносов. Гравюра XVIII в.

Основные труды Ломоносова относятся к химии и физической химии. Он сформулировал молекулярно-кинетическую теорию тепла и вплотную подошел к открытию закона сохранения вещества, открытого французом Антуаном Лавуазье в 1789 году. В декабре 1756 года Ломоносов писал: ««В Химии: 1) Между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать: прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожжённого металла остаётся в одной мере...» Но результаты опытов Ломоносов не публиковал, и поэтому Лавуазье, проделавший в 1774 году аналогичные опыты, ничего о ломоносовских опытах не знал.

Ломоносов умер 4 (15) апреля 1765 года на 54-м году жизни, по официальной версии, от воспаления лёгких. Незадолго до смерти Ломоносова посетила императрица Екатерина II. В 1764 году ученый болел с перерывами с начала года, по нескольку недель не выходя из дому.

Болезнь развивалась очень давно. Еще 30 сентября 1748 года, прочитав в Академическом собрании свою диссертацию «Опыт теории упругости воздуха», он сообщил коллегам, что канцелярия разрешила ему впредь не посещать заседания Академического собрания, пока у него не утихнут боли в ногах. Конечно, у Ломоносова мог развиваться артрит, но в возрасте 37 лет это кажется еще слишком рано. Ломоносов одно время был завзятым курильщиком, но к началу 1750-х годов раз и навсегда бросил курить, чего, к сожалению, нельзя сказать о значительном употреблении алкоголя.

24 июля 1762 года Ломоносов писал М.И. Воронцову о том, что «тяжкая моя болезнь, снова усилившись в другой ноге, не даёт мне покоя и свободы не токмо из дому, но ниже и с постели вытти». По воспоминаниям современников, в последние годы жизни Ломоносов стал чрезвычайно рассеянным и нередко во время обеда «вместо пера, которое он по школьной привычке любил класть за ухо, клал ложку, которою хлебал горячее, или утирался своим париком, который снимал с себя, когда принимался за щи...».

В 1762–1764 годах Ломоносов по нескольку недель подряд болел и не посещал академию. Можно предположить, что болезнь была связана не с простудой, а с хроническим заболеванием ног или позвоночника. Во время приезда в 1764 году в мастерскую на Мойке австрийского посла для осмотра «Полтавской баталии», Ломоносова вынесли из дому в креслах, поскольку болезнь ног уже не позволяла ему ходить. У ученого распухали и болели ноги, на них открывались раны. Это говорит о сосудистом заболевании, которое могло быть следствием курения и пьянства. В 1765 году Ломоносов болел с 3 по 28 января (с 14 января по 8 февраля 1765 года), а затем с 3 (14) марта и уже до самого конца.

Гробница М.В. Ломоносова. Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры. Некрополь XVIII в.

Авторы «Летописи жизни и творчества Ломоносова» признают: «Что было причиной частых болезней Л. в последние годы его жизни, а также столь ранней его кончины, неизвестно. В письме Тауберта к Миллеру от 8 апреля 1765 г. говорится, что он умер “после нового припадка его прежней болезни, которую он получил вследствие простуды”». Но на воспаление легких эта болезнь как будто не похожа.

Джеймс Кук

Великий английский мореплаватель Джеймс Кук (1728–1779) прославился тремя кругосветными экспедициями, во время которых обследовал и нанёс на карту малоизвестные и редко посещаемые до него части Ньюфаундленда и восточного побережья Канады, Австралии, Новой Зеландии, западного побережья Северной Америки, Тихого, Индийского и Атлантического океанов. Он погиб во время третьего кругосветного плавания, начавшегося в 1776 году.

Джеймс Кук. Гравюра XVIII в.

Целью экспедиции было найти Северо-Западный проход – водный путь, пересекающий Североамериканский континент и соединяющий Атлантический и Тихий океаны. Этот проход открыть не удалось, зато были сделаны многие другие важные открытия. В составе экспедиции было два корабля – флагманский «Резолюшн» (водоизмещением 462 тонны, 32 пушки) и «Дискавери» (водоизмещением 350 тонн, 26 пушек). 24 декабря 1777 года экспедиция открыла остров Рождества. А 18 января 1778 года были открыты Гавайские острова, названные Куком Сандвичевыми (Сэндвичевыми) островами по имени первого лорда Адмиралтейства Джона Сэндвича. 2 октября 1778 года Кук достиг Алеутских островов, где задержался на 22 дня. Затем экспедиция направилась к Гавайям и 26 ноября достигла островов.

Но подходящая стоянка для кораблей была найдена только 16 января 1779 года. Несколько тысяч вооруженных гавайцев собрались вокруг кораблей.

Аборигены приняли Кука за одного из своих богов. Многие гавайцы верили, что капитан Кук – это воплощение всемогущего бога Лоно, который, по преданию, вернется на плавающим острове. Оба визита Кука происходили в сезон праздника Лоно. Капитан встал на якорь в бухте Кеалакеуа на Большом острове Гавайев, где, по легенде, Лоно видели в последний раз. Сотни гавайцев ринулись приветствовать возвращение Лоно. Кук записал в своем журнале: «Я никогда не видел в здешних морях такого количества людей, собравшихся в одном месте; кроме множества каноэ, весь берег был покрыт людьми, а сотни их плавали вокруг корабля, как стаи рыб».

Расходная книга корабля «Резолюшн» содержит имена 66 матросов из команды в 112 человек, которые получали лечение от венерических болезней во время плавания. Через год после визита Кука болезни распространились по всем островам и стали одной из главных причин резкого сокращения уровня рождаемости коренного населения.

Однако скоро отношения, сначала вполне дружеские, испортились. Гавайцы осыпали англичан всевозможными дарами, и на борту постоянно находилось множество женщин. На борт поднялся Каланиопуу, правитель острова Гавайи. Он щедро снабдил Кука запасами еды и всевозможными подарками. Но скоро проявились и негативные стороны гавайского гостеприимства. Гавайцы тащили с кораблей все, что плохо лежит, поскольку не имели никакого понятия о собственности, и схватки, когда англичане пытались вернуть украденное, становились всё ожесточеннее. Чувствуя, что обстановка накаляется, Кук 4 февраля покинул залив, однако начавшийся вскоре шторм нанёс серьёзный ущерб такелажу «Резолюшн». Передняя мачта корабля дала трещину. 10 февраля корабли Кука были вынуждены вернуться для ремонта, так как другой якорной стоянки поблизости не было. Когда «Резолюшн» и «Дискавери» вошли в знакомую бухту, её берега были безлюдны. Посланная на берег шлюпка вернулась с известием, что король Каланиопуу наложил табу на всю бухту. После того как земля и её ресурсы в каком-то месте истощались, вожди запрещали туда вход, чтобы почва восстановилась. Паруса и части такелажа свезли на берег для ремонта.

Отношение гавайцев к экспедиции стало тем временем откровенно враждебным. Воровать стали больше. Дело чуть не дошло до стычки, когда вожди приказали гавайцам не помогать команде, сошедшей на берег за водой. 13 февраля шестерым матросам, охранявшим работающих на берегу, было приказано зарядить ружья пулями вместо дроби. Кук и его доверенный офицер Джеймс Кинг высадились на берег, чтобы уладить спор из-за воды между командой и островитянами. Тут они увидели каноэ с гавайцами, укравшими что-то с палубы «Резолюшн» и пытавшимися скрыться. Кук, Кинг и один матрос побежали наперерез по берегу, пытаясь их перехватить, но опоздали и бросились вдогонку в глубь острова. Когда они вернулись на берег, то узнали, что боцман «Дискавери» захватил каноэ воров. Оно принадлежало другу англичан – вождю Палеа. Когда Палеа потребовал каноэ назад, возникла перепалка, во время которой вождя ударили веслом по голове. Гавайцы бросились на англичан, и те были вынуждены укрыться среди камней на берегу. К счастью, Палеа восстановил порядок, и соперники расстались как друзья.

Но инциденты продолжались. 14 февраля был украден баркас с «Резолюшн». Чтобы вернуть похищенное, Кук решил взять на борт в качестве заложника Каланиопу. Высадившись на берег с группой вооружённых людей, состоявшей из десяти морских пехотинцев во главе с лейтенантом Филлипсом, он прошёл к жилищу вождя и пригласил его на корабль. Приняв предложение, Каланиопа последовал за англичанами, однако у самого берега отказался следовать дальше. Несколько тысяч гавайцев окружили Кука и его людей. Разнёсся слух, что англичане убили вождя, когда тот пытался выйти из бухты на своем каноэ. Женщины и дети сразу исчезли. Мужчины надели защитные плетеные маты и взяли за копья,

кинжалы, камни и дубинки. Неизвестно, кто первым начал бой. Один из воинов приблизился к Куку и замахнулся на него кинжалом. Кук взвел курок и выстрелил, но пуля застряла в защитной накидке воина. Увидев это, гавайцы поняли, что Кук – не бог. Еще один воин с кинжалом напал на Кука. Тот выстрелил и убил рядом стоявшего гавайца. Ударом приклада лейтенант Филлипс сбил с ног одного нападавшего и застрелил другого. Пехотинцы дали залп по толпе. Экипаж в лодках также открыл огонь. Кук зашел по колено в воду и повернулся, чтобы подзвать лодки и приказать прекратить огонь. В этот момент на его голову обрушился сокрушительный удар деревянной дубинки. Когда он падал, еще один воин нанес ему удар кинжалом в спину. По другой версии, Кук был убит ударом копья в затылок. Погибли еще четверо матросов, остальным удалось отступить на корабль.

Есть несколько противоречивых свидетельств очевидцев тех событий, и по ним сложно судить о том, что же произошло на самом деле. Среди англичан началась паника, команда стала беспорядочно отступать к шлюпкам. Лейтенант Джеймс Кинг записал в дневнике: «Увидев, что Кук упал, гавайцы издали победоносный вопль. Тело его тут же втащили на берег, и окружавшая его толпа, жадно выхватывая кинжал друг у друга, принялась наносить ему множество ран, так как каждый хотел принять участие в его уничтожении».

А капитан Клерк, судя по записи в дневнике, часть вины за происшедшее возлагал на самого Кука, поскольку тот пытался захватить вожда, а потом открыл стрельбу: «Имеются веские основания, позволяющие предположить, что туземцы не зашли бы так далеко, если бы, к несчастью, капитан Кук не выстрелил по ним: за несколько минут до этого они начали расчищать путь для солдат, с тем чтобы последние могли добраться до того места на берегу, против которого стояли шлюпки... давая капитану Куку возможность уйти от них».

Матросы на «Резолюшн» видели схватку на берегу и выстрелили два раза из пушки по гавайцам. Спустя короткое время на берегу никого не осталось. Гавайцы также унесли с собой тела погибших. Принявшие на себя командование офицеры решили забрать находившиеся на берегу мачту и паруса «Резолюшн», а также вернуть тела Кука и четырех матросов.

Смерть капитана Джеймса Кука 14 февраля 1779 года. Художник И. Цоффани. 1785 г.

Клерк пытался добиться выдачи тела Кука мирным путём. Потерпев неудачу, он распорядился провести военную операцию, в ходе которой высадившийся под прикрытием пушек десант захватил и сжёг дотла прибрежные поселения и отбросил гавайцев в горы. После этого гавайцы доставили на «Резолюшн» корзину с десятью фунтами мяса и кисть руки, череп без нижней челюсти, предплечья и кости ног.

Англичане пришли в ужас от такого обращения с телом своего капитана. На самом деле с останками Кука обошлись так, как поступали с телами самых высоких вождей. Гавайцы отделили плоть от костей. Так как Кук пользовался очень большим уважением, части его тела были поделены между вождями. Его голова досталась королю. 22 февраля 1779 года останки Кука были захоронены в море. В Англию корабли вернулись 7 октября 1780 года.

Вероятно, Джеймс Кук не погиб бы, если бы попытался как можно скорее покинуть Гавайи, как только обострились отношения с местными жителями. Но тогда он рисковал лишиться своего флагмана, поскольку не было уверенности, что ремонт «Резолюшн» можно было провести в море. Либо можно было закрыть глаза на хищения, которые совершали гавайцы, хотя воровство, конечно же, тормозило ремонтные работы. Главное же, Кук не хотел ронять престиж Англии перед туземцами, разрешая им безнаказанно расхищать корабельное имущество. И за это поплатился.

В мае 1823 года гавайский король Камехамеха II прибыл со своей женой и свитой в Великобританию, где спустя три месяца умер. Незадолго до кончины он передал медикам стрелу с железным наконечником и деревянным оперением. Ничем не примечательная стрела, если бы уважаемый Камехамех II не сказал, что кость в середине стрелы является костью белого человека по имени Джеймс Кук. Правда, позднейший анализ ДНК показал, что эта кость никакого отношения к Куку не имеет. Стрела была сделана то ли из оленьих рогов, то ли из костей морских животных. С другой стороны, нельзя исключить, что именно этой стрелой Кук и был убит.

XIX век

Павел I

Императору Павлу I (1754–1801) столь же не повезло в русской истории, как и его отцу, императору Петру III. В трудах современников и потомков он остался прежде всего деспотом-самодуром, поклонником прусской муштры и взбалмошным прожектером, очень быстро восстановившим против себя едва ли не всех подданных. На самом деле это была фигура более сложная, а ряд затеянных им реформ принесли пользу. Павел родился 20 сентября (1 октября) 1754 года в Летнем дворце императрицы Елизаветы Петровны в Петербурге. Он был сыном будущей императрицы Екатерины II. Мать он не любил и не мог простить ей убийство отца. 6 (17) ноября 1796 года, после смерти матери, Павел стал императором и первым делом занялся вопросом о престолонаследии. Одновременно с погребением Екатерины прах Петра III был перенесён в Петропавловский собор, причем регалии несли Алексей Орлов и другие участники царевубийства, а Павел собственноручно произвёл обряд коронования останков отца.

Павел I. Гравюра 1800 г.

Уже через год он издал новый закон, согласно которому наследование шло только по мужской линии от отца к сыну. Таким образом Павел стремился не только не допустить больше женщин на российский престол, но и, установив твердый и однозначный порядок наследования, поставить предел дворцовым переворотам, сотрясавшим Российскую империю весь XVIII век. По иронии судьбы Павел как раз и стал жертвой последнего дворцового переворота в российской истории. Зато после его убийства дворцовые перевороты прекратились.

Павел также отменил в январе 1797 года статью Жалованной грамоты, запрещавшей телесные наказания дворян. Были введены телесные наказания за убийство, разбой, пьянство, разврат, служебные нарушения, что явно не прибавило новому императору любви со стороны дворянского сословия. В том же году император лишил дворянство права представления коллективных жалоб государю, Сенату и губернаторам областей. Дворян обязали платить налог для содержания органов местного самоуправления в губерниях, а в 1799 году – еще и платить подать по 20 рублей «с души». Дворян, уклоняющихся от гражданской и военной службы, император приказал предавать суду. Он резко ограничил переход с военной службы на гражданскую.

Вместе с тем манифестом о трехдневной барщине Павел облегчил положение крестьян. Для них введена хлебная повинность и прощена недоимка подушной подати. Было запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли и разделять семьи при продаже.

Павел провел серьезную военную реформу. Он ввел новые воинские уставы, ограничив срок службы рекрутов 25 годами. В армии были введены шинели, которые спасли от гибели и болезней в холодное время года десятки тысяч солдат. За пределами Петербурга было развернуто строительство казарм. Были созданы инженерное, фельдъегерское и картографическое подразделения. Огромное внимание уделялось муштре, призванной довести выполнение приемов солдатами до автоматизма, а также строевой подготовке. За малейшие промахи офицеров ожидало разжалование. Солдатам разрешалось жаловаться на злоупотребления своих командиров, в то время – повсеместные.

Одну из главных своих целей император видел в борьбе с европейскими революциями. Опасаясь влияния идей французской революции, Павел в 1800 году запретил ввоз иностранных книг и отправку юношей за границу для получения образования.

В 1798 году Россия вступила в антифранцузскую коалицию с Великобританией, Австрией, Турцией и Королевством Обеих Сицилий. По настоянию австрийцев главнокомандующим объединенными силами коалиции был назначен фельдмаршал Александр Суворов, ранее сосланный Павлом в свое имение за оппозицию военным реформам. Войска под его командованием одержали ряд побед и почти полностью изгнали французов из Италии. Но противоречия с австрийцами, стремившимися единолично контролировать Италию, привели к тому, что уже в октябре 1799 года Павел разорвал союз с Австрией.

Захват 5 сентября 1800 года британским флотом стратегически важно расположенного острова Мальта, который Павел I в качестве Великого магистра Мальтийского ордена считал своей территорией, император воспринял как личное оскорбление. 22 ноября (4 декабря) 1800 года российский император издал указ о наложении секвестра на все английские суда во всех российских портах, а также о приостановлении платежа всем английским купцам впредь до расчета их по долговым обязательствам в России, с запретом продажи английских товаров в империи. Дипломатические отношения с Англией были прерваны. Союзный договор между Россией, Пруссией, Швецией и Данией был оформлен в декабре 1800 года. В отношении Англии была провозглашена политика вооруженного нейтралитета. Началась подготовка к заключению военно-стратегического союза с первым консулом Наполеоном

Бонапартом. Павел совместно с Наполеоном стал готовить военный поход на Индию, чтобы «тревожить» английские владения. Одновременно с этим он послал в Среднюю Азию войско Донское (22 500 человек), в задачу которого входило завоевание Хивы и Бухары. Это была чистейшей воды авантюра. Столь большое войско гарантированно погибло бы в среднеазиатских пустынях от голода и жажды, как это неоднократно случалось с русскими экспедициями в Хиву. К счастью, казачий отряд был отозван из астраханских степей сразу после гибели Павла. Если бы Наполеон вместе с Павлом отправился покорять Индию, его армию ждала бы неминуемая гибель задолго до 1812 года.

Утеснение дворянства, конфликт с Англией, где российские дворяне покупали основные предметы роскоши, а также переменчивый характер Павла, который мог приблизить к себе человека, а потом почти тут же отправить его в ссылку, привели к тому, что против императора сложился заговор, в котором участвовали офицеры гвардейских полков, расквартированных в Петербурге. Вдохновителем заговора был вице-канцлер граф Никита Панин, которого Павел сначала приблизил к себе, но в середине ноября 1800 года отстранил от должности главы Коллегии иностранных дел (с назначением в Сенат), а в декабре выслал в его имение Дугино. Но в начале 1801 года Панину было разрешено жить в окрестностях Москвы. Реально же заговор возглавил генерал от кавалерии граф Пётр Пален, военный губернатор Петербурга, которому Павел особенно доверял. В последние месяцы царствования Павла Пален также руководил внешней политикой и был генеральным директором почт. Наследник престола, старший сын Павла Александр, будущий император Александр I, был в курсе заговора, но впоследствии утверждал, что не знал о намерении заговорщиков убить отца. Пален поборол его колебания участвовать или не участвовать в заговоре, добившись от Павла письменного повеления арестовать наследника, и показал его Александру. Дворцовый переворот в монархических странах требует непременно участия в заговоре наследника престола, иначе новый монарх всегда сможет казнить заговорщиков за цареубийство. Накануне цареубийства заговорщиками было выпито много вина, и многие выпили более, чем следует; в конце ужина, как говорят, Пален будто бы сказал: «Помните, господа: чтобы полакомиться яичницей, надо прежде всего разбить яйца!» Это расценили как намек на желательность цареубийства.

А вот кто именно совершил его, свидетельства по понятным причинам расходятся, равно как и данные о том, кто именно был при цареубийстве. Заговорщики понимали, что признаваться в убийстве императора не только глупо, но и опасно.

24 февраля (8 марта) 1801 года благодаря интриге Палена имевший большое влияние на императора генеральный директор почт и президент Коллегии иностранных дел Федор Ростопчин попал в опалу у Павла и был удален от двора. Это облегчило осуществление заговора.

Павел умер на том же месте, где родился, поскольку Михайловский замок был возведен на месте деревянного Летнего дворца императрицы Елизаветы Петровны.

В половине первого ночи 12 (24) марта 1801 года 12 заговорщиков ворвались в спальню императора. Их возглавляли бывший фаворит Екатерины князь Платон Zubov, его брат Николай и генерал-лейтенант барон Леонтий Беннигсен, командир Изюмского легкоконного полка. Павел спрятался то ли за занавеской, то ли за каминным экраном.

Не найдя императора в постели, заговорщики растерялись, Платон Zubov сказал, что птичка упорхнула, но «Беннигсен с сатанинским хладнокровием подошел к постели, пощупал её рукою и сказал: “Гнездо теплое, птичка недалеко”». Комнату обыскали и нашли Павла в ночной рубашке (по другой версии, он был уже одет, и его выдали ботфорты). После того как император отказался подписать отречение от престола, началась потасовка, во время которой император был убит. Смерть последовала то ли от удара табакеркой в висок, то ли от удушения офицерским шарфом. Павел был убит между 0.45 и 1.45. Кто именно нанес удар

табакеркой, принадлежавшей Николаю Зубову, а также кто душил императора шарфом, принадлежавшим то ли штабс-капитану Измайловского полка Якову Скарятину, то ли самому Павлу, достоверно установить невозможно из-за противоречивых показаний мемуаристов, каждый из которых стремился доказать, что сам убийство не совершал и либо вышел из спальни еще до убийства, либо, признавая, что остался в комнате, имя убийцы не называл или указывал в этом качестве на кого-то другого.

Убийство императора Павла I. Гравюра 1880-х гг.

Беннигсен и братья Зубовы впоследствии утверждали, что покинули спальню еще до убийства Павла и вообще не собирались убивать императора, а хотели лишь заставить его отречься от престола. Убийство, дескать, симпровизировали пьяные офицеры-исполнители. Однако в подобное верится с трудом. Ведь оставлять в живых Павла никто не собирался. Далеко не все полки столичного гарнизона были безоговорочно на стороне заговорщиков. В этих условиях наличие живого Павла, пусть и отрекшегося от престола, всегда могло спровоцировать военный контрпереворот с целью возвращения его на престол. Поэтому поверить в импровизированное убийство нельзя. Скорее всего, Беннигсен и Зубовы, а возможно, и сам Пален непосредственно присутствовали при цареубийстве. Пускать на самотек такое важное дело они бы не стали. Ведь всегда существовала угроза, что протрезвевшие офицеры-исполнители смогут сговориться с Павлом и предать своих предводителей.

Большинство заговорщиков император Александр, в том числе под влиянием матери, императрицы Марии Федоровны, вскоре после восшествия на престол сослал в свои имения. Из руководителей заговора только Беннигсен в дальнейшем сделал успешную карьеру, и то благодаря своему большому военному таланту.

Мишель Ней

Маршал Франции Мишель Ней (1769–1815), герцог Эльхингенский и князь Москворецкий, был одним из наиболее талантливых и храбрых полководцев императора Наполеона, называвшего его «храбрейшим из храбрых». Он отличился во многих сражениях, хотя знал и чувствительные поражения. Ней привел в Европу остатки Великой армии из России. Однако после взятия Парижа союзниками в апреле 1814 года он уговорил императора отречься от престола. Людовик XVIII постарался привлечь Ней на свою сторону и назначил его членом военного совета и пэром и поручил ему начальство над шестой дивизией. Но когда Наполеон бежал с Эльбы и с небольшим отрядом высадился во Франции, Ней, посланный с войсками его арестовать и обещавший Людовику XVIII привести Наполеона живым или мертвым, видя настроение своей армии, 17 марта 1815 года перешел на сторону Бонапарта. Потом, оправдываясь, Ней утверждал: «Словно плотина прорвалась, я должен был уступить силе обстоятельств». Видя, что солдаты не будут стрелять в своего императора, он решил перейти на сторону Бонапарта. Когда Людовику XVIII доложили об измене Ней, он с негодованием воскликнул: «Презренный! У него, стало быть, нет больше чести!»

Мишель Ней. Гравюра 1816 г.

У Наполеона Ней командовал 1-м и 2-м корпусами. 16 июня он храбро сражался у Катрбра с герцогом Веллингтоном, а 18 июня, во время битвы при Ватерлоо, руководил центром. Под ним было убито пять лошадей, но Ней в изодранном мундире, с лицом, почерневшим от пороховой гари, пытался собрать солдат для последней атаки с криком: «Смотрите, как идет на смерть маршал Франции». Вернувшись в Париж после поражения, он в палате пэров посоветовал призвать Бурбонов обратно, а сам, чувствуя, что от возвратившегося Людовика ничего хорошего для себя ждать не придется, пытался бежать в Швейцарию. Выехав из Парижа, он остановился в Лионе, предполагая двинуться дальше в Швейцарию. Однако внезапно поменял маршрут и направился дальше в Сент-Альбан в департаменте Луара. Затем он решил вернуться в свое имение Кудро, чтобы заняться хозяйством.

В конце июля супруга Ней, оставшаяся в Париже, сообщила мужу, что ему грозит арест. Тогда маршал скрылся у своей родственницы, мадам де Бессони, в укромном замке, находящемся на краю Канталя, в департаменте Ло. Накануне ареста Ней был совершенно спокоен, то ли надеясь, что его не найдут, то ли уже испытывая безразличие к собственной судьбе.

2 августа один из местных жителей написал префекту Локару, что некий человек, очень похожий на маршала Ней, находится на территории департамента. Несколько жандармов были посланы в замок Бессони. Маршал не пытался бежать, а на предложение одного из жандармов, что он закроет глаза на его бегство, решительно заявил: «Если бы я был свободен, то за это я бы вас расстрелял! Я же дал слово!»

19 августа Ней привезли в Париж и заключили в тюрьму Консьержери. Маршал отрицал компетенцию военного суда в своем деле и требовал передачи его в палату пэров. Военный министр Сен-Сир сформировал специальный суд, в который вошли маршалы Монсей (председатель), Ожеро, Массена и Мортье. Но они делали все, чтобы уклониться от этой сомнительной чести. Мортье заявил, что он скорее уйдет в отставку, чем будет участвовать в суде, Массена – что у него с Неем существует личный конфликт, а Ожеро сказался больным. Монсей же написал письмо королю, в котором заявил, что не будет судить героя отступления из Москвы, которого столь почитает. За такую дерзость Бон Андре Жанно де Монсея посадили на три месяца под арест, что избавило его от необходимости участвовать в суде над Неем. Трех других маршалов все же заставили сделать это, а Монсея заменил более покладистый маршал Жан Батист Журдан. Они удовлетворили просьбу Ней передать его дело на рассмотрение палаты пэров. Впоследствии маршалы об этом пожалели. На смертном одре маршал Пьер-Франсуа-Шарль Ожеро восклицал: «Мы трусы. Мы должны были настоять на своем праве, чтобы спасти его от самого себя».

В палате же из 160 пэров только молодой герцог де Брولли счел Ней невиновным. 139 проголосовали за немедленную смертную казнь без права апелляции. Начавшийся 4 декабря 1815 года суд над Неем продолжался всего лишь два дня и завершился вынесением ему смертного приговора 6 декабря. Председательствующий Дамбрэ отводил вопросы, ответы на которые могли принести пользу подсудимому. Дамбрэ, в частности, запретил маршалу Даву отвечать на вопрос относительно интерпретации статьи XII Конвенции о капитуляции французских войск. Если бы Даву заявил о том, что поведение Ней явно относится к числу деяний, покрываемых амнистией, которая провозглашалась в этой статье, обвинение потеряло бы всякую юридическую основу. В конце концов Ней предложил своим защитникам не отвечать на речь прокурора, так как им запретили касаться вопроса о статье XII Конвенции. За смертную казнь голосовали пять маршалов: Келлерман, Периньон, Серюрье, Виктор и Мармон. Возвратившись в тюрьму, Ней оставил последние распоряжения и лег, как был, в штатском спать.

В три часа утра 7 декабря ему был зачитан приговор. Ней попросил, чтобы его супруга вместе с детьми была у него в семь часов утра. Когда же маршалу сообщили, что его ожидает

священник, Ней сказал: «Я встречу с ним позже, если сочту нужным... Не докучайте мне своими попами! Я предстану перед Богом, как представал перед людьми. Я ничего не боюсь!» Он утешал плачущую жену и, прощаясь с сыновьями, сказал: «Любите и почитайте свою мать!» Тем не менее после прощания с семьей он час беседовал с аббатом.

7 декабря 1815 года Ней был расстрелян как государственный изменник неподалёку от Парижской обсерватории. Его последние минуты описал военный комендант Парижа, граф Луи-Виктор-Леон де Рошешуар: «В нескольких шагах от решетки Люксембургского сада, на аллее Обсерватории процессия остановилась; дверцы кареты отворились, маршал, ожидавший, что его повезут в Гренель... сказал: “Как! Уже приехали?” Конечно, он отказался стать на колени и не позволил завязать себе глаза; попросил только плац-адъютанта Сен-Биа указать ему, как надо встать: повернулся лицом к взводу, державшему ружья на прицеле. И тут с осанкой, которую я никогда не забуду, столько в ней было благородства, спокойствия и достоинства, без всякой рисовки, он снял шляпу, и, воспользовавшись краткой минутой, пока плац-адъютант отходил в сторону, чтобы дать сигнал, он произнес следующие слова, отчетливо мною слышанные: “Французы, я протестую против своего приговора, моя честь!...” При последних словах, когда он поднял руку к сердцу, раздался залп; он упал сраженный. Барабанный бой и крики войск, выстроенных в каре: “Да здравствует король!”, довершили мрачную сцену. Такая прекрасная смерть произвела на меня глубокое впечатление, обратившись к Августу де ла Рошжаклену, гренадерскому полковнику, стоявшему рядом со мной... я сказал ему: “Вот, друг мой, великий урок, как надо умирать!”»

За секунду до команды «Пли!» Ней успел выкрикнуть: «Да здравствует Франция! Друзья, прямо в сердце!» Из 12 солдат экзекуционного взвода в маршала Нея выстрелило 11. Один солдат сознательно послал пулю мимо – в стену.

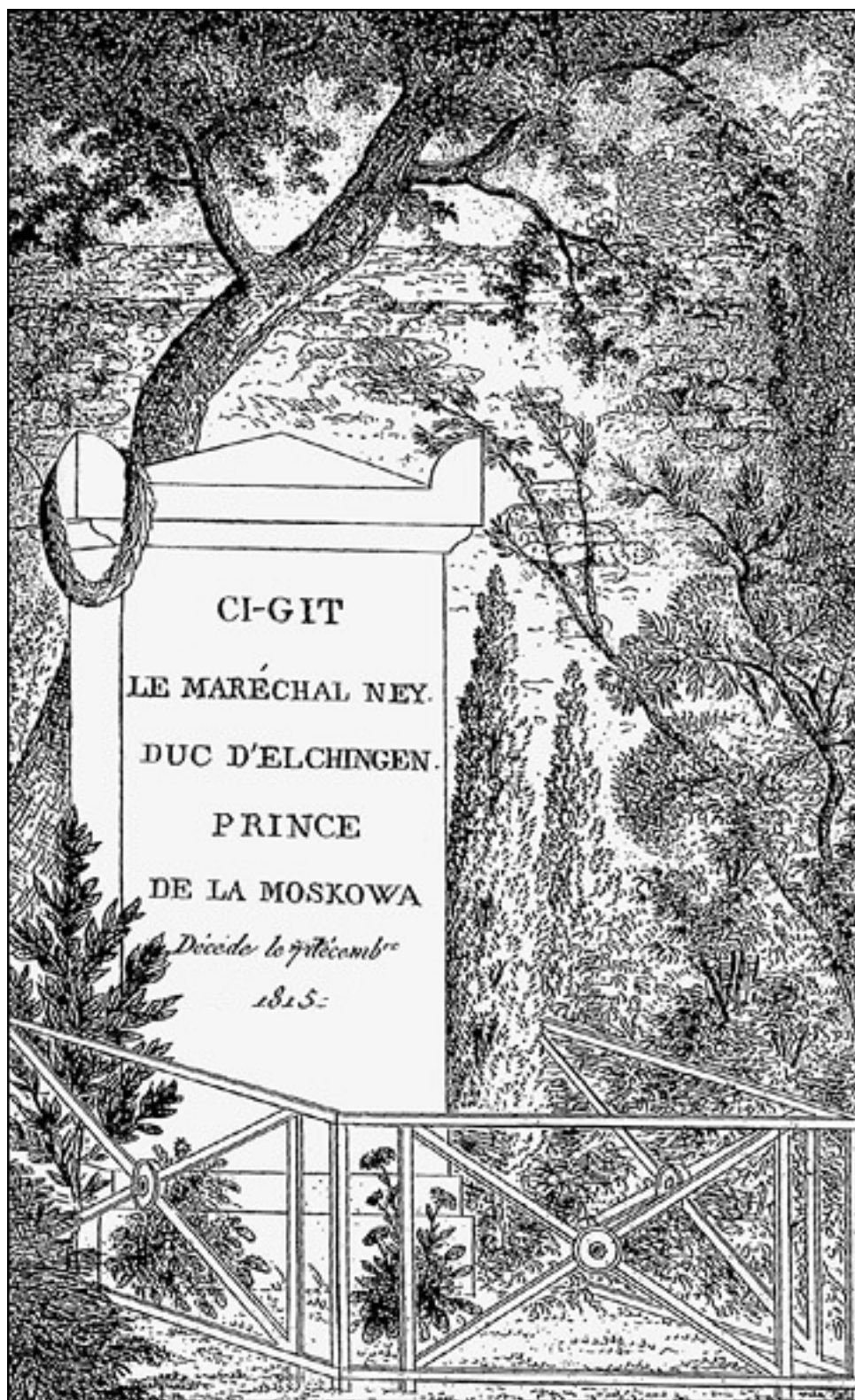

Расстрел маршала Нея. Гравюра начала XIX в.

Но довольно живучей оказалась легенда, согласно которой маршал Ней вовсе не был расстрелян, а благополучно скрылся в Северной Америке. В конце января 1816 года в США объявился человек примерно 50 лет, который называл себя Питер Стюарт Ней. После трех лет скитаний он обосновался в Броунсвилле (Северная Каролина). Эмигранты-бонапартисты восторженно приветствовали его как маршала Нея. У него были те же рыжие волосы и зеленые глаза, хотя вряд ли кто из эмигрантов близко знал маршала. Питер Ней был крайне удивлен и заявил, что вообще не знает ни слова по-французски. На что ему заметили, что маршал Ней тоже не знал ни слова по-английски. Питер Ней стал простым школьным учителем математики, но со временем начал сильно пить и рассказывать разные удивительные истории, вроде того, что дружил с Наполеоном. В конце 1821 года, узнав о смерти императора, Питер заболел и впал в депрессию. Он пытался ножом перерезать себе горло. Рана оказалась поверхностной, но свидетели слышали, как Питер восклицал: «Со смертью Наполеона исчезла моя последняя надежда!» Решив, что умирает, больной признался врачу, что он и есть знаменитый маршал Ней. Он рассказал, что был помилован в самый последний момент; что солдаты, расстреливавшие его, стреляли холостыми; что сразу после «смерти» он якобы был посажен на корабль и выслан в Америку. Питер Ней часто менял место жительства. В 1821–1830 годах он преподавал в Северной и Южной Каролинах и Вирджинии.

Когда в 1846 году он скончался, то его лечащий врач сообщил, что перед кончиной Питер Ней сказал: «Я действительно французский маршал Мишель Ней. Имя Питер Стюарт придумал, чтобы скрыться от моих преследователей».

Личностью Нея заинтересовался известный эксперт-криминалист Давид Н. Карвало. Проведя тщательную экспертизу писем маршала Нея и сохранившихся записей школьного учителя Питера Нея в 1895 году, он, как утверждают сторонники тождества учителя из Северной Каролины с наполеоновским маршалом, установил полное сходство их почерков. Однако историк из Северной Каролины Арчибальд Мэрфи писал одному из своих друзей в 1827 году, что нанял для помощи в написании исторических трудов «французского джентльмена... племянника маршала Нея, который прибыл в Америку после битвы при Ватерлоо. Однако, как утверждал Мэрфи, «он не француз, а хорошо образованный и интеллектуально развитый шотландец от рождения... Его имя Ней». И действительно, архивы Северной Каролины подтверждают, что Питер Стюарт Ней родился в 1769 году в Стерлингшире, Шотландия». Не исключено, что Питер Ней прибыл в Америку вскоре после битвы при Ватерлоо, в которой последний раз прославился Ней, но еще до ареста и расстрела маршала. Поэтому, используя сходство фамилий, он выдал себя за племянника маршала Нея, а не его самого, в тот момент еще живого. Не исключено также, что Питер Ней состоял в каком-то отдаленном родстве с маршалом Неем. Нет данных, что Питер Ней вообще мог говорить по-французски, хотя, по всей вероятности, мог читать на этом языке. Неудивительно, что он избегал контактов с французскими общинами в Америке. Французы быстро бы поняли, что французский не является его родным языком.

Гробница маршала Нея на кладбище Пер-Лашез. Рисунок 1825 г.

В 1903 году вскрыли гроб маршала Нея на кладбище Пер-Лашез. Гроб оказался пустым. Но на расстреле маршала Нея присутствовало около 200 человек. В соответствии с законом 1793 года тело на месте расстрела оставалось в течение 15 минут. Затем его перенесли в ближайший приют сестер милосердия, куда приходило множество людей, желавших проститься с маршалом. Они убедились, что расстрел – никакая не имитация. Нея не могли

расстреливать холостыми пулями. Ведь единственный солдат, который сознательно стрелял мимо, попал в стену, что для холостой пули, естественно, невозможно. И не годилось храбрейшему из храбрых сбегать из-под расстрела. Для Нея это было бы позором, даже если бы о побеге кроме самого маршала знали всего несколько человек.

Маршал Ней очень слабо знал английский, а учитель Ней говорил по-английски без всякого акцента. Маршал Ней хорошо знал военное дело, в котором учитель Ней был полный профан, хотя и рассказывал о былых сражениях – то, что смог прочесть в книгах. Зато учитель имел обширные познания в литературе, живописи, музыке, философии, тогда как маршал в этих областях разбирался весьма слабо. «Американский Ней» не искал контактов с бонапартистской колонией в США и не пробовал вызвать в Америку жену Нея. Он не вернулся в Европу после революции 1830 года, когда приверженцам Наполеона вернули все права и многим назначили высокие пенсии. Тогда из Швеции в Париж вернулись двое старших сыновей Нея. Не заинтересовала его и женитьба собственного сына на дочке премьера правительства Франции Якуба Лаффитта. Несомненно, Питер Стюард Ней, скончавшийся 15 ноября 1846 года в возрасте 77 лет, был обыкновенным мистификатором. Последние годы он жил и преподавал в Дэвидсоне, Северная Каролина, и даже разработал дизайн печати местного колледжа, которая используется и поныне.

Конечно, серьезных исследований насчет тождества двух Неев, включая анализ ДНК, а также поиск следов Питера Стюарта Нея в Шотландии, где он, судя по всему, родился, не проводилось. Но не проводились только потому, что серьезные историки, в отличие от дилетантов-любителей, и без этих достаточно затратных исследований видят массу доказательств того, что школьный учитель из Северной Каролины никогда не был французским маршалом. А энтузиастов, верящих в легенду, никакой анализ ДНК все равно ни в чем не убедит.

Наполеон Бонапарт

Император Франции, или, точнее, император французов, Наполеон Бонапарт (1769–1821), бывший младший лейтенант артиллерии, с 1799 года правивший Францией в качестве первого консула, а с 1804 года – императора, заслуженно обрел славу величайшего полководца современности. При Наполеоне была произведена кодификация французского права – в 1804 году был создан Гражданский кодекс, который именуют также кодексом Наполеона. Однако, воюя против коалиции всех великих европейских держав, он в конце концов потерпел поражение и в апреле 1814 году вынужден был отречься от престола и был отправлен в почетную ссылку на маленький итальянский остров Эльба, который стал его владением. Однако в марте 1815 года Бонапарт вновь высадился во Франции и на сто дней вернул себе власть. Однако 18 июня 1815 года он был разгромлен при Ватерлоо в Бельгии англо-голландскими и прусскими войсками. Это было первое генеральное сражение, которое Наполеон проиграл вчистую. 22 июня 1815 года он вторично отрекся от престола в пользу своего сына, хотя прекрасно понимал, что никто его императором не признает. После отречения Наполеон уехал в Мальмезон, а затем, 28 июня, в Рошфор, собираясь уплыть в Америку. 8 июля Наполеон вышел на двух фрегатах в море, но дальше острова Экс пройти не смог, встретившись с британской эскадрой. Тогда, понимая безнадежность положения, Наполеон решил сдаться англичанам, полагая это меньшим злом по сравнению с перспективой оказаться в руках вернувшихся Бурбонов, австрийцев или пруссаков. 10 июля он направил двух эмиссаров, генерала Жана Мари Рене Савари и графа де Лас-Каза, на британский линкор «Беллерофон», чтобы встретиться с капитаном Мейтлендом и попросить помощи для путешествия в Америку. Но Мейтленд согласился лишь доставить экс-императора в Англию, где его судьба должна была быть решена. «Беллерофон» провел две недели в гавани Плимута, в то время как власти решали, что делать с Наполеоном. 31 июля было решено пожизненно выслать его на остров Св. Елены в Атлантическом океане, в 1800 километрах к западу от побережья Африки. Бывшему императору, который надеялся мирно поселиться в Англии, разрешили взять с собой трёх офицеров, своего хирурга и двенадцать слуг. 74-пушечный линкор «Нортумберленд» 17 октября 1815 года доставил Наполеона в Джеймстаун, столицу Св. Елены. Здесь, в бывшей летней резиденции губернатора Лонгвуд-Хаус в 8 километрах от Джеймстауна, под охраной 3 тысяч британских солдат, Наполеон провел последние 6 лет своей жизни, занимаясь написанием мемуаров. Дом и территория, примыкающая к нему, были окружены каменной стеной протяжённостью шесть километров. Вокруг стены были расставлены часовые так, чтобы видеть друг друга. На вершинах окрестных холмов размещались дозорные, сообщавшие сигнальными флажками о всех действиях Наполеона. Побег с острова был невозможен. Тем не менее Наполеон пользовался относительной свободой, выходил и выезжал куда угодно, совершал верховые прогулки, принимал кого ему заблагорассудится. Его ссылку добровольно разделили граф Эммануэль Огюстен де Лас-Каз, ставший ближайшим доверенным лицом Наполеона, и генералы Шарль-Тристан Монтолон, Анри Гасьен Бертран и Гаспар Гурго. Последнему в 1840 году король Луи Филипп поручил эксгумировать останки Наполеона и перевезти их во Францию, где они были торжественно захоронены в Доме инвалидов.

Наполеон Бонапарт. Гравюра конца XVIII в.

Здоровье Наполеона неуклонно ухудшалось, что приписывали нездоровому климату острова. С 1819 года император болел почти постоянно. Он жаловался на боль в правом боку, у него опухали ноги. Лечащий врач Наполеона Франсуа Антомарчи диагностировал у больного гепатит, но затем пришел к выводу, что это рак желудка. Наполеон вспомнил, что от этой болезни умер его отец Карло Буонапарте в возрасте 38 лет. В марте 1821 года состояние Наполеона ухудшилось настолько, что он не сомневался в близости конца. 13 апреля 1821 года император продиктовал своё завещание. Он уже не мог передвигаться без посторонней помощи, боли стали резкими и мучительными. Наполеон Бонапарт скончался в субботу, 5 мая 1821 года, в 17 часов 49 минут. Его последними словами, сказанными в бреду, были «Авангард армии!». Его похоронили недалеко от Лонгвуда.

Существует версия, что Наполеон был отравлен. Эту гипотезу выдвинул шведский стоматолог Стен Форсхувуд, исследовавший волосы Наполеона и нашедший в них следы мышьяка. В отравлении подозревали губернатора Св. Елены Хадсона Лоу, с которым у Наполеона сложились не самые теплые отношения и который будто бы выполнял секретные распоряжения Лондона по медленному умерщвлению «узурпатора». В 1960 году английские ученые С. Форшафвад, Х. Смит и А. Уоссен проанализировали химический состав волос

Наполеона из пряди, срезанной с головы императора на следующий день после смерти, нейтронно-активационным способом. Концентрация мышьяка почти на порядок превышала нормальную. Другую прядь волос на экспертизу передал Клиффорд Фрей, который получил их по наследству от отца, а отец от личного слуги Наполеона Абрама Новерры. Длина самого большого волоса 13 сантиметров позволяла определить изменение концентрации мышьяка в волосах в течение года. Анализ показал, что в течение четырех месяцев последнего года перед смертью Наполеон получал большие дозы мышьяка, причём интервал времени максимума накопления мышьяка совпадал с одним из периодов резкого ухудшения здоровья Наполеона. Однако криминалистам известно, что мышьяк может накапливаться в волосах не только в случае отравления, но и тогда, когда человек принимает лекарства, содержащие мышьяк. А когда учёные исследовали волосы не только периода последней ссылки, но и 1814 года и еще более раннего, 1804 года, года коронации, дозы мышьяка многократно превысили норму во всех образцах. Эти результаты полностью подрывают версию об отравлении. По всей видимости, Наполеон по крайней мере с 1804 года регулярно принимал лекарства, содержащие мышьяк, либо у него была предрасположенность к накоплению мышьяка в волосах. Не исключено также, что хранители реликвий – волос Наполеона – посыпали их мышьяком, чтобы подольше сохранить. В начале XIX века о токсичности мышьяка еще не знали, и он входил в состав многих лекарств. Им покрывали внутренние поверхности винных бочек. Так что мышьяк мог попасть в организм Наполеона с вином или от обоев его дома, поскольку мышьяк добавляли в краску для обоев. Что еще важнее, отравление мышьяком сопровождается специфическими и хорошо известными симптомами. Среди них – спастические боли в животе; чесночный запах при дыхании и обезвоживание и жажда. Еще при систематическом воздействии мышьяка появляются изменения кожи и ногтей: покраснение и гиперпигментация в области век, в подмышечных впадинах, на висках, в области шеи, мошонки и сосков; избыточное разрастание поверхностного слоя кожи (гиперкератоз); шелушение кожи; появление белых поперечных линий на ногтевом ложе. Никаких симптомов такого рода у Наполеона не наблюдалось. По мнению современных исследователей, Наполеон умер от рака желудка в завершающей стадии, вызванного язвой бактериального происхождения. Недаром за шесть дней до смерти Наполеон писал Ф. Антомарчи: «После моей смерти, ждать которой осталось недолго, я хочу, чтобы вы произвели вскрытие моего тела... Особенно рекомендую вам внимательно изучить мой желудок и изложить результаты в точном и подробном отчете, который вы вручите моему сыну... Я прошу, я обязываю вас со всей тщательностью провести такое исследование». Заметим, что сам Наполеон, при всей нелюбви к англичанам, никогда не подозревал их в намерении его отравить.

Смерть Наполеона на острове Св. Елены. Литография XIX в.

Вскрытие тела 51-летнего Наполеона производил патологоанатом, корсиканец Ф. Антомарчи, наблюдавший своего пациента в течение последних 18 месяцев его жизни. В присутствии английских врачей он вскрыл грудную полость, чтобы все присутствующие могли видеть жизненно важные органы. Сердце поместили в серебряный сосуд со спиртом, который, согласно воле Наполеона, должен был быть послан Марии-Луизе, но губернатор распорядился положить его в гроб. Затем удалили желудок как предполагаемый очаг заболевания.

Медики не смогли прийти к единому мнению и обнародовать общее заключение о причине смерти. Были опубликованы четыре различных заключения, что инспирировало слухи о заговоре и отравлении. Все четверо врачей отметили наличие язвы желудка возле привратника, то есть отверстия, соединяющего желудок с кишечником. Антомарчи прямо написал о «раковом изъязвлении», а англичане – «о частичных затвердениях ткани, готовых переродиться в раковую опухоль». А уже в наши дни ученые из Швейцарии, США и Канады сделали однозначный вывод о том, что Наполеон умер от рака желудка, передающегося по наследству. На основании официальных исторических источников был произведен анализ веса Наполеона в период с 1804 по 1820 год. Выяснилось, что за это время он поправился с 68 до 90 килограммов. С начала же 1821 года за четыре месяца похудел на 10 килограммов. Налицо онкологическое заболевание, высасывающее из организма все соки.

Александр I

Российский император Александр I Благословенный (1777–1825), царствовавший в 1801–1825 годах, прославился прежде всего победой над Наполеоном. Его внезапная смерть в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 года породила многочисленные слухи, что император не умер вовсе, а удалился от власти и затем многие годы жил странником, замаливая свой грех – соучастие в заговоре, приведшем к убийству его отца, императора Павла. Однако ничто в жизни Александра не указывало на него как на потенциально раскаявшегося грешника.

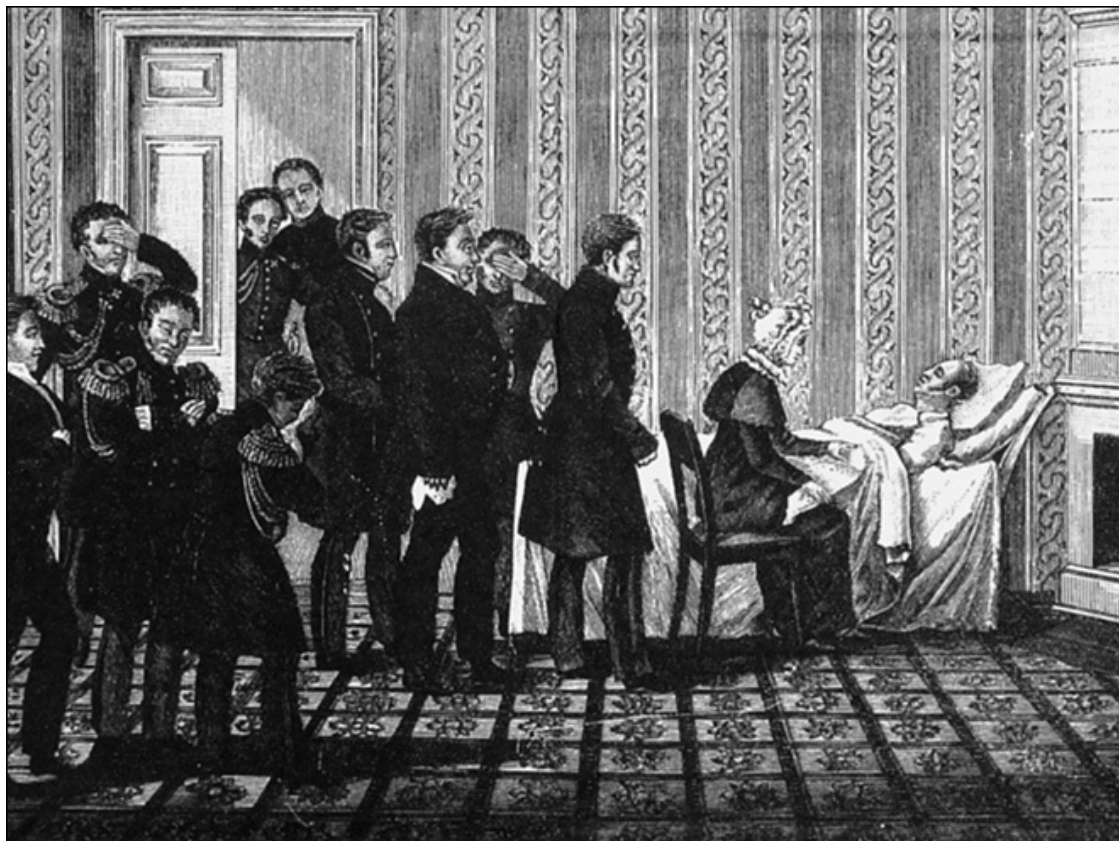
Александр I. Литография XIX в.

В 1793 году он женился на Луизе Марии Августе (1779–1826), дочери баденского маркграфа Карла Людвига, принявшей в православии имя Елизавета Алексеевна. Это был чисто династический брак, и любви между супругами не было. Император нисколько не обременял себя брачными узами. 15 лет он практически открыто состоял в связи с фрейлиной Марией Нарышкиной (в девичестве Четвертинской) и порвал с ней лишь тогда, когда уличил её в измене. По оценкам историков, от Нарышкиной и других любовниц у Александра могло быть до 11 внебрачных детей. Кроме того, с детства был влюблен в свою сестру Екатерину Павловну (1788–1819). Их переписка не оставляет сомнений в том, что между ней и старшим

братом была интимная связь. Так, в письме 21 ноября 1811 года император вспомнил кое-какие интимные подробности: ««Увы, я не могу использовать свои прежние права (речь идет о ваших ножках, понимаете?) и покрыть их самыми нежными поцелуями в вашей спальне в Твери. Что ж, прощайте, Мадам, развлекайтесь, но не забывайте бедных петербургских каторжников». Супруг Екатерины, принц Ольденбургский, всецело зависимый от императора изгнанник, помехой страсти не был. А в декабре 1815 года Екатерина просила брата о том, что, если её второй брак не состоится, «никогда и ни при каких обстоятельствах не расставаться с ней».

Обратимся же к реальным обстоятельствам кончины монарха. Император умер 1 декабря 1825 года в Таганроге, в доме Папкова, от горячки с воспалением мозга. Можно предположить, что осложнением после простуды стал менингит. Скоропостижная смерть царя породила самые разнообразные слухи, один из которых гласил: «Государь бежал скрытно в Киев и там будет жить о Христе с душою и станет давать советы, нужные теперешнему государю Николаю Павловичу для лучшего управления государством». А в 1830–1840-х годах появилась легенда, будто Александр, измученный угрызениями совести за свою роль в гибели отца, инсценировал свою смерть вдалеке от столицы и начал отшельническую жизнь под именем старца Фёдора Кузьмича. Этот старец действительно существовал и умер 20 января (1 февраля) 1864 года в Томске. В XX веке распространились слухи, что при вскрытии гробницы Александра I в Петропавловском соборе, проводившемся в 1921 году, обнаружилось, что она пуста. Эти слухи были столь же недостоверны, как и слухи о будто бы вскрытой в начале XX века пустой могиле маршала Нея. Окончательно ответить на вопрос, имел ли старец какое-либо отношение к императору Александру, могла бы только генетическая экспертиза, но для этого требуется участие кровных родственников Александра I или эксгумация захоронений членов императорской фамилии. Впрочем, и без экспертизы такого рода тождество императора и старца кажется более чем сомнительной. Против легенды об уходе императора свидетельствуют описание болезни императора в Таганроге, акт о смерти, протокол вскрытия, многократные, во многом повторяющие друг друга, дневниковые записи о ходе болезни Александра и его последних минутах, отчеты о транспортировке тела из Таганрога в Петербург, похороны в Петропавловском соборе и т. д. Чтобы все это фальсифицировать, требовались согласованные действия нескольких десятков людей. Есть еще версия, будто Александр скрылся, опасаясь, что, как и отец, станет жертвой цареубийства, но опять-таки нет никаких признаков, что какая-то угроза возникла для него именно в 1825 году. О существовании тайных обществ будущих декабристов царь знал, но думал, что там все дело ограничивается разговорами. Во время болезни Александр получил сведения о доносе унтер-офицера Шервуда, из которого явствовало, что в России существует обширный антиправительственный заговор. Но вряд это так испугало победителя Наполеона, что он решился на уход. Также анализ почерков императора и старца, сделанный по указанию биографа Александра I великого князя Николая Михайловича в начале XX века, свидетельствует против их тождества.

Непохожесть на смертном одре внешнего облика умершего Александра еще современники объясняли плохими условиями бальзамирования в Таганроге. К тому же лицо человека после смерти всегда претерпевает некоторые изменения. Фёдор Кузьмич в своих разговорах, беседах часто употреблял южнорусские и малороссийские слова вроде «панок», что было совершенно несвойственно Александру I. Император всю жизнь говорил и писал главным образом на французском. В русском языке он был явно нетверд и наверняка говорил с акцентом. Если бы странник с таким необычным акцентом появился в русских городах и селах, он бы привлек к себе внимание и попал в полицию не в 1837 году, как это было с Фёдором Кузьмичом, а значительно раньше. Да и в одночасье освоить роль странника-проповедника Александр никак не мог.

Александр I на смертном одре. 1825 г.

Император заболел 4 ноября 1825 года в Мариуполе, возвращаясь из поездки по Крыму. Первое недомогание он почувствовал еще в Бахчисарае, где его лихорадило. 5 ноября в Таганроге царь слег в постель, а генерал-адъютант Пётр Михайлович Волконский в своем поденном журнале начал вести записи о ходе болезни. Тогда же соответствующие записи начали вести императрица Елизавета Алексеевна, личный врач императора лейб-медик баронет Виллие и доктор Тарасов, один из врачей, лечивших Александра. Записи Волконского и Виллие кончаются 19 ноября (1 декабря), а императрицы – 11 ноября. Акт о смерти императора подписали Волконский, Виллие, а также генерал-адъютант барон Дибич и врач императрицы Стоффregen. Протокол о вскрытии подписали врачи Виллие, Стоффregen, Тарасов, а также местные доктора и генерал-адъютант Чернышов. Для заговора здесь уже слишком много народу. Если близкие к императору люди еще могли бы хранить тайну по просьбе царя, то что прикажете делать с таганрогскими медиками? Да и с Елизаветой особо близких отношений у Александра никогда не было. Её-то что побуждало хранить тайну? Впоследствии даже создали легенду, что Елизавета не умерла 4(16) мая 1826 года в Белёве Тульской губернии (заболела она еще в Таганроге, во время болезни мужа, так что речь могла идти о какой-то инфекции), а тоже удалилась от мира, вслед за супругом, став затворницей Верой Молчальницей. Правда, эту версию историки обычно всерьез не рассматривают. А для Николая I безвестно скрывшийся брат вообще должен был представлять огромную проблему. Вдруг он в какой-то момент пожелает вновь объявиться и заявить о правах на престол? Ведь отречения не было! Я уже не говорю, сколько лиц пришлось бы вовлечь в историю с подменой тела Александра в гробу.

До сих пор личность старца Фёдора Кузьмича не выяснена, но эта тайна, которая вряд ли когда-нибудь будет раскрыта. Ведь установление его родословной – это то же самое, что поиск иголки в стоге сена.

Каспар Хаузер

Каспар Хаузер (1812?–1833) – это найдёныш, загадка которого не разрешена по сей день. Юноша, практически не умевший ходить и говорить, был обнаружен в Нюрнберге, в Троицын день, 26 мая 1828 года. Несмотря на все усилия и огромную награду, назначенную королем Баварии, подлинное имя и личность юноши, убитого пять лет спустя, равно как и личность его убийц, установить не удалось. По рассказам самого Каспара, замок Бойгген в Баден-Вюртемберге, недалеко от швейцарского Базеля, равно как и звучание венгерского и немецкого языков, вызывал у него смутные воспоминания детства. В возрасте трех или четырех лет юный Каспар был заключён неизвестным в подземную камеру, где в полном одиночестве жил до шестнадцати лет, пока не был найден и доставлен в Нюрнберг. Распространились слухи, что Каспар был наследным принцем баденского престола, похищенным из колыбели и официально объявленным умершим.

Каспар Хаузер. Рисунок конца 1820-х гг.

Каспара нашли на рыночной площади Нюрнберга. На вид ему было 16–17 лет. Его встретил между 4 и 5 часами вечера сапожник Вайхман, собиравшийся со своим другом Бекком пойти попить пива. Юноша качался, словно пьяный, знаками просил приятелей остановиться и сообщить, как пройти к предместью Нойе-Торштрассе. Вайхман только собирався показать дорогу, но незнакомец молча протянул сапожнику конверт, адресованный «Господину командующему 4-м эскадроном 6-го полка лёгкой кавалерии. Нюрнберг». Вайхман довел его до ближайшего поста городской стражи и сдал полицейским. Согласно показаниям сапожника, юноша в ответ на вопрос «Откуда ты взялся?» – ответил «Из Регенсбурга» и далее, подойдя к Новым воротам, заметил, что они закончены недавно и потому так называются. Однако, по данным известного баварского криминалиста Ансельма фон Фейербаха, впервые увидевшего Каспара Хаузера два месяца спустя, тот объяснялся в основном жестами и обрывками слов, а в день своего обнаружения и вовсе не мог ничего сказать, кроме «Не знаю» и «Хочу быть кавалеристом, как мой отец», причём повторял эти фразы чисто механически, не понимая смысла. Около 8 часов вечера еле передвигавшего ноги юношу с огромным трудом привели в полицейский комиссариат. Здесь от него удалось добиться только трёх фраз: «Мой дом» (по другим сведениям, «Домой» или «Отведите домой»), «Не знаю» и «Хочу быть кавалеристом, как мой отец». Юноша не понимал, где находится, не реагировал на слова. Один из полицейских вынул из кармана монету. Найдёныш с восторгом стал вертеть монету в руках и твердить «Лошадка, лошадка» (Ross, Ross), жестами показывая, что монетка подошла бы для украшения лошадиной сбруи. Еще Каспар сумел кое-как прочесть «Отче наш» (Pater noster). А когда ему принесли перо и бумагу, он написал: «Каспар Хаузер». На ночь Каспара отправили в Фестнерову башню – местную тюрьму. Оказавшись в камере, он сказал, что у него уже была такая комната, упал на солому и заснул мёртвым сном. На Каспаре была надета войлочная шляпа, сшитая по городской моде, с жёлтой шёлковой лентой и тонкой полоской красной кожи, внутри с трудом различалось полустёршееся изображение Мюнхена. Вокруг шеи был обёрнут чёрный шёлковый шарф. Кроме того, на нём была рубашка из грубой ткани и пёстрый жилет, застиранный и не новый, а также серая полотняная куртка, переделанная из фрака. Серые брюки из более тонкой и мягкой материи, с полотняной заплатой между ног, как у брюк для верховой езды, принадлежали, скорее всего, конюшему или егерю. На ногах у неизвестного были тяжёлые ботфорты, подбитые гвоздями, на высоких каблуках, с прикреплёнными внизу лошадиными подковами. Сапоги явно были ему малы, носки были отрезаны, и пальцы ног торчали наружу.

В карманах у Каспара был обнаружен белый носовой платок в красную клетку с красными же вышитыми инициалами «К. Х.», несколько ярких тряпок красного и голубого цветов, пара карманных молитвенников, на одном из которых было украшение в виде короны, посыпанной золотым песком, ключ, роговые чётки и несколько записок с католическими молитвами. На некоторых из них были отмечены адреса типографий в Зальцбурге, Праге и Бургхаузене. В дальнейшем одежду уничтожили под предлогом ветхости, а другие предметы не сохранились. При Каспаре был конверт, содержащий два письма. В углу конверта были видны три полустёртые буквы, которые можно было прочесть как G. I. R. либо как C. T. R. Письма были написаны с орфографическими ошибками в простонародной, возможно, несколько нарочитой манере. Первое из них гласило:

«Баварская граница место не названо 1828 г.

Его Высокоблогородию капитану кавалерии!

Я Вам посылаю мальчика, который уверяет, что хочет служить своему Королю верой и правдой. 7 октября 1812 года мне его передали, а я сам бедный поденщик и своих детей десять душ, а мне и на себя не хватает, ещё и работы много. Его мать мне его отдала, чтобы

я его воспитал, а где она есть, я не знаю и властям тут не стал сообщать, что мальчик у меня. Я сам себе подумал, что надо его вырастить как сына. Он у меня воспитан в христианской вере, а с 1812 года я ему не позволял из дому сделать не шагу, так что никто не знает, где его держали, а сам он тоже не знает, ни что у меня за дом, ни где он есть, так что спрашивайте его, сколько хотите: он вам всё равно ничего не скажет. Читать и писать я его научил, и он теперь пишет прямо как я, не отличишь, а когда его спросишь, чего он для себя хочет, отвечает, что хочет быть кавалеристом как его отец, а ещё будь у него родители, а их нету, стал бы учёным. Ему только раз покажи, он всё сразу на лету и схватит.

Я с ним только добрался до ноймарской дороги, а оттуда он дальше топал сам, я ему сказал, что когда он станет солдатом, я сразу явлюсь и отведу его домой, а если нет, я бы из-за него попал в историю.

Любезнейший Капитан, не мучьте вы его вопросами, он все равно не знает, где я есть, я его увез посреди ночи, и ему теперь дорогу домой ни за что не найти. Ваш покорный слуга, имя я вам своё не скажу, потому что не хочу, чтобы меня за это взгнали.

У него при себе нет ни гроша, потому что у меня у самого в кармане пусто, так что если не хотите его себе взять, можете выпустить ему кишки или вздёрнуть у себя над камином».

К письму была приложена записка якобы от матери Каспара: «Ребенок крещён, его зовут Каспаром, вам же надо будет ему придумать фамилию. Ребенок вам отдаётся на воспитание. Его отец был кавалерист. Когда ему будет семнадцать, отправьте его в Нюрнберг, в Шестой полк лёгкой кавалерии, где служил его отец. Я же вас прошу его оставить у себя до семнадцати лет. Родился он тридцатого апреля в году 1812. Я простая бедная девчонка, мне кормить ребенка нечем, а его отец умер».

Письмо было написано готическим шрифтом, а записка – простой латиницей, почерк в том и в другом случае, по мнению полицейских, был одним и тем же, равно как и чернила. Каспаром заинтересовался надзиратель городской тюрьмы Андреас Хильтель. Он перевёл его в небольшую комнату по соседству с апартаментами, в которых проживала его собственная семья, и стал наблюдать за его поведением через потайное отверстие в двери. Каспар днем сидел спиной к стене, вытянув ноги на полу и глядя перед собой в пустоту, а ночью крепко спал. Юноша вскоре сдружился с детьми Хильтеля и даже стал садиться за один стол с семьёй, но по-прежнему отказываясь от любой еды, кроме хлеба и воды. Понемногу найденыш научился говорить.

Каспар в момент своего первого появления был юношей около 1,5 метра ростом, пропорционально сложенным, широким в плечах. Зубы мудрости появились у него лишь три года спустя, что с уверенностью позволило определить его возраст как 16–17 лет. Мягкие волосы светло-каштанового цвета вились крупными кольцами, цвет лица был бледным, кисти рук маленькие, изящные, мягкие и слабые, ступни, по всей видимости, не знавшие обуви, также были маленькими, подошва мягкой, как у младенца, в момент его прихода в полицейский участок сплошь покрытая волдырями от тесной обуви. На обеих руках следы прививок от оспы, на правой возле локтя – след недавнего удара палкой. Когда Каспар плакал, его лицо искажалось гримасой, когда был доволен, улыбался, словно младенец. Большие голубые глаза были яркими и живыми, но вначале совершенно лишёнными выражения. Также, словно младенец, он почти не мог пользоваться руками, в обычном положении держа пальцы растопыренными, соединив большой палец с указательным в кольцо. При необходимости взять какой-нибудь предмет он действовал всей рукой. Двигался он с огромным трудом, покачиваясь и сразу же делая следующий шаг, чтобы избежать падения. Малейшее препятствие немедленно заставляло его спотыкаться и падать. Подниматься и спускаться по лестнице он долгое время не мог без посторонней помощи.

Через две недели Каспара решил взять к себе поэт и философ доктор Георг Фридрих Даумер. Разрешение на это он получил лишь 18 июля 1828 года. Каспара обследовал судеб-

ный врач доктор Прой и пришел к следующему выводу: «Этот человек не является ни сумасшедшим, ни тупоумным, но он явно был насильственно лишён всякого человеческого и общественного воспитания... Каспар Хаузер действительно с раннего детства был удалён из человеческого общества и помещён в такое место, куда не проникал дневной свет, и в этом состоянии он оставался до того момента, когда однажды, словно с небес, появился среди нас. И этим анатомически-физиологически доказано, что Каспар Хаузер не обманщик».

Пауль Йоханн Анзельм фон Фейербах, главный судья апелляционного суда Ансбаха, 15 июля направил бургомистру Якобу Фридриху Биндеру протест против публикации «Прокламации» о Хаузере в местной прессе, опасаясь, что это может спугнуть преступников.

Желудок Каспара не был приспособлен к иной пище и питью, кроме как вода и чёрный хлеб, запах любой другой пищи (за исключением запаха укропа, тмина и аниса) вызывал у него отвращение. Такое же отвращение вызывал у него запах розы, резкий звук мог привести к конвульсиям, яркий свет слепил и заставлял моргать. Время от времени найдёныш имел обыкновение застывать, глядя в пустоту, и не реагировал ни на какие внешние раздражители.

Ежедневно Каспара приводили в полицейский комиссариат, чтобы изучить получше и чтобы он сам постепенно привыкал к обществу людей. Полицейские дарили ему яркие ленточки или монетки, отчего он приходил в восторг, повторяя «Лошадка, лошадка». Один солдат принёс ему игрушечную деревянную лошадь. Каспар обрадовался ей, «словно старому другу, чьего возвращения долго ждал», и вплоть до того, как пришло время уходить, не расставался с лошадкой, украшая ей шею монетками, ленточками и всем, что успел за это время получить от полицейских. Найдёныш горько плакал, когда пришло время идти к себе; унести игрушку с собой у него попросту не хватило сил. Вернувшись на следующий день, он уже не обращал внимания ни на что более, кроме своей игрушки, и сидел возле печи, возя игрушку по полу туда-сюда, украшая обрывками бумаги, ленточками и всем, что попадало под руку. Догадавшись о его желании взять лошадку с собой, полицейские отнесли её в комнату Каспара, где она заняла своё место подле кровати, так что найдёныш мог видеть её постоянно и играть целыми днями. В скором времени его деревянное стадо увеличилось до пяти лошадок, с которыми он стал неразлучен.

Ни в религии, ни в деньгах он совершенно не разбирался, грамматики не знал и употреблял выражения типа «я говорить, вы понимать». Он реагировал лишь на имя Каспар и сам о себе говорил исключительно в третьем лице. Память у найдёныша была невероятно цепкой, одного раза ему хватало, чтобы запомнить внешность каждого визитёра и позднее без запинки назвать его по имени.

Сколько Каспар помнил себя, он постоянно находился в крохотной камерке, в которой нельзя было ни встать, ни лечь во весь рост. Целыми днями он сидел, прислонившись спиной к стене, или ползал по полу. В камерке было два окна, забитые досками так, что внутрь почти не проникал свет, и потому стояли будто бы вечные сумерки. Кроме того, в камерке была печь, которую топили снаружи, и дверь, постоянно запертая, которую опять же снаружи только и можно было открыть. В полу была проделана дырка, внутри её находилось нечто вроде ночного горшка, куда предполагалось справлять нужду. Кормили его хлебом и водой. К нему приходил «черный человек», который учил его грамоте, а за провинности бил палкой по рукам.

Однажды ночью наставник грубыми движениями разбудил юношу, взвалил его на спину и вынес наружу, после чего, по словам Каспара, «стало совсем темно». Он не знал, сколько времени прошло после того, как неизвестный поднялся с ним вверх по холму или по лестнице, но затем его накормили, неизвестный поставил его на ноги и, обхватив сзади руками, стал учить ходить. Таким образом, кое-как переступая, Каспар продвигался вперёд. Неизвестный раз за разом повторял фразу о кавалеристе, пока мальчик не запомнил её

наизусть, не понимая, что она значит. Каждая попытка поднять голову пресекалась окриком и приказом смотреть себе под ноги.

Затем они отправились в путь. Несколько раз, когда он уставал, его клали на землю вниз лицом, потом снова поднимали, и путь продолжался. Так они шли вдвоём два дня и две ночи. Несмотря на проливные дожди, они не останавливались на отдых в постоянных дворах, не разговаривали с встречными крестьянами, спали на голой и грязной от дождя земле. На третий день неизвестный передел Каспара в чистую одежду, надел на него ботинки, после чего идти стало куда тяжелее; затем незнакомец, показав на ряды домов вдали, назвал их «большой деревней», научил, что спрашивать и как искать дорогу к Новым воротам, сунул ему в руки конверт и исчез навсегда.

Ансельм фон Фейербах отметил, что потрясение ребёнка, когда на него вдруг навалились звуки и краски внешнего мира, вполне естественно. Не исключено, что Каспара везли в телеге, пока он был в бессознательном состоянии, или в его питье вновь подмешали опий. Поэтому определить, сколько времени продолжался путь, невозможно. Фейербах указал, что момент появления был выбран исключительно удачно – на Троицын день обитатели Нюрнберга имели обыкновение отправляться прочь из города, и шанс появиться незамеченными был велик. Биндер полагал, что неизвестный, доставивший Каспара в Нюрнберг, хорошо знал город и окрестности и, возможно, в прошлом служил в городском гарнизоне или в одном из квартировавших здесь полков.

С 18 июля 1828 до октября 1829 года Каспар жил у Даумера. У него появилась собственная комната и настоящая постель. Каспар уверял, что, лёжа в этой постели, он стал видеть сны. Уже к концу августа он научился говорить и писать (хотя и с орфографическими ошибками), связно выражать свои мысли, заинтересовался собственным прошлым и своей потерянной семьёй.

Следовало приучить Каспара к еде иной, чем хлеб и вода. Ему стали варить овощные супы на воде, постепенно увеличивая количество овощей, что он сам воспринимал как улучшение вкуса. Вместе с хлебом он приучался есть выпечку, сухие овощи, затем в суп стали добавлять несколько капель мясного бульона, а к хлебу – кусочки разваренного мяса. Это разнообразие скоро дало свой результат. Каспар начал расти, прибавив за год пять сантиметров.

17 октября 1829 года, в субботу, Даумер пошел на свою обычную утреннюю прогулку, в то время как его мать и сестра были заняты уборкой. Каспар отправился в уборную и там услышал тихое звяканье дверного колокольчика, словно бы придержанного рукой, затем увидел скользнувшую по двору тень. Он услышал крадущиеся шаги, которые затихли у двери в коридор. Каспар высунул голову в маленькое окно, выходившее на лестницу, и увидел человека, прикинувшегося к стене и кого-то подстерегавшего. Как он вспоминал позднее, убийца был одет в щегольской чёрный костюм, тёмные панталоны, кожаные чёрные (или жёлтые) перчатки, начищенные чёрные изящные башмаки и чёрную же круглую шляпу. Лицо его было заматано чёрным шарфом, а в руках он сжимал широкий нож мясника.

Каспар почувствовал сильный удар в голову и, падая, услышал: «Ты должен умереть раньше, чем успеешь покинуть Нюрнберг!» Каспару показалось, что он узнал этот голос. Очнувшись, юноша понял, что лежит на полу, а лицо у него залито кровью. Кое-как он добрался до дому и, плохо понимая, что он делает, вместо верхнего этажа спустился в подвал. Позднее фрау Даумер, удивляясь, что Каспар не является к обеду, нашла его там по пятнам крови на ступеньках. На лбу у него зияла широкая, но неопасная рана размером с палец. В бреду он бормотал: «Чёрный... чёрный человек... как трубочист... заточён в погреб...»

После покушения бургомистр приставил к Каспару охрану. 15 июня 1831 года Каспар, гостя у фон Фейербаха, рассказал об одном странном инциденте. Когда он остался один, в дом вошли двое неизвестных. Один «весьма злобного вида», с усами и короткой бородой,

стал расспрашивать Каспара, что он пишет. Каспар ответил, что автобиографию. Второй взял листы и принялся читать, в то время как чернобородый продолжал расспрашивать Каспара о его жизни. Неизвестного интересовало, часто ли Каспар ходит на прогулки, посещает ли школу и чему учится. Найденыш не скрывал, что выходит из дому редко, так как чувствует боль в ногах. Незнакомцы, закончив расспрашивать и читать, направились к дверям и спросили о небольшом строении во дворе. Каспар ответил им, что это уборная, затем ответил ещё на несколько вопросов. Когда же мальчик поинтересовался, откуда прибыли эти двое, то получил ответ, что они прибыли издалека и название места ему ничего не скажет, после чего ушли.

После Даумера Каспар жил у главы муниципалитета Иоганна Бибераха. В марте 1830 года Каспара посетили лейтенант фон Пирх и следом за ним известный в то время берлинский комик Сафир. Они предположили, что Каспар, быть может, родом из Венгрии и немецкий для него не родной. Оба решили, что Каспар в детстве слышал, хотя и забыл, венгерские слова и выражения. Однако расспросы произвели гнетущее впечатление на Каспара, и их пришлось прервать. Вскоре Каспар встал на табуретку, чтобы достать с полки книгу, потерял равновесие и, чтобы не упасть, схватился за выступ стенной панели. Однако вместо этого у него в руках оказался заряженный пистолет, висевший тут же на гвозде, и по неосторожности Каспар выстрелил в себя. Пуля оцарапала ему лоб, и вбежавшие немедленно в комнату полицейские обнаружили Каспара на полу без сознания с залитым кровью лицом. Допускали, что это была попытка самоубийства.

После этого Каспар поселился у барона Готлиба фон Тухера. Там он встретил Филиппа-Генри, графа Стенхоупа и племянника Уильяма Питта-младшего. У этого лорда была далеко не блестящая репутация. 31 мая 1831 года он появился в Нюрнберге, собираясь «усыновить Каспара и забрать его с собой в свой замок в Кенте». Тухер ему поверил. Стенхоуп вскружил Каспару голову рассказами о «высоком положении», которое у него отобрали, но справедливость должна быть обязательно восстановлена. Каспар легко поддался на лесть, и их стали постоянно видеть вместе держащими друг друга за руки, причём лорд прилюдно обнимал и целовал мальчика, возбудив тем самым в городе сплетни о «неестественном характере» их отношений. Фон Тухер и Даумер были возмущены поведением лорда, но тот принялся хлопотать перед городским советом о передаче Каспара под его опеку. Получив ответ, что опекуну следует доказать свою платёжеспособность, он уехал в Мюнхен, затем в Инсбрук и вернулся с векселями на очень крупные суммы, выданными почему-то германскими торговыми домами. В это время Каролина, графиня Альберсдорфская, заявила, что Стенхоуп служит орудием кого-то, кто хочет оторвать Каспара от его друзей, чтобы убить мальчика.

В июле 1831 года фон Тухер вместе с Каспаром и полицейским офицером по имени Хикель предприняли поездку в Венгрию, но найденыш не узнал ничего и не понимал местных наречий. В октябре того же года один венгерский аристократ с сыном посетил Каспара. Тот якобы вспомнил, что в детстве отзывался на имя Иштван и некоторые венгерские слова показались ему знакомыми.

В ноябре 1831 года лорд Стенхоуп отправился в Ансбах, в гости к фон Фейербаху, передав Каспару золотые часы, кольцо и цепочку, а также 500 гульденов наличными. Фон Тухер разрешил Каспару оставить у себя подарки, но деньги забрал, мотивируя это тем, что найденыш был слишком молод, чтобы распоряжаться столь крупной суммой. Из-за этих денег Каспар впервые рассорился со своим опекуном, требуя, чтобы с ним перестали обращаться как с младенцем. Фон Тухер, понимая, что найденышу вскружила голову лесть, написал Стенхоупу отчаянное письмо, умоляя оставить Каспара в покое, но безрезультатно.

21 ноября 1831 года лорд Стенхоуп официально потребовал передачи ему опекунства над Каспаром, обещая дать тому достойное образование и воспитание. Попытки фон Тухера и фон Фейербаха собрать деньги по подписке в фонд Каспара Хаузера и, таким образом,

обеспечить его будущее успеха не имели. Каспар 24 ноября поддержал просьбу лорда, и она была удовлетворена. 10 декабря лорд перевёз Каспара в Ансбах и поселил в доме школьного учителя Иоганна Георга Мейера, изводившего Каспара мелкими придирками. Для охраны Каспара в Ансбахе был назначен отставной солдат, который должен был раз в день посещать дом, чтобы убедиться, что с найдёнышем всё в порядке, и сопровождать его во время прогулок. Стенхоуп уехал 28 января 1832 года и прислал Каспару несколько сентиментальных писем, но больше не вернулся в Ансбах.

Тем временем распространились слухи, что Каспар на самом деле является наследным принцем Бадена (официально – умершим в колыбели в 1812 году). В марте 1832 года фон Фейербах поехал в Мюнхен, где беседовал с королевой Баварии Каролиной, и начал своё расследование. Он передал офицеру полиции Эберхардту портрет Каспара и прядь его волос, чтобы определить, не был ли Каспар ребёнком, родившимся у священника Гутенбера и девицы Кинингшайм. Но эта версия не подтвердилась.

Каспара определили переписчиком бумаг в ансбахский апелляционный суд. Работа занимала несколько часов в день, остальное время он продолжал брать уроки у Мейера. Четыре раза в неделю к Каспару ходил учитель латинского языка. 20 мая 1833 года он прошёл лютеранскую конфирмацию.

29 мая 1833 года фон Фейербах, разбитый параличом, скончался. Распространились слухи, что его отравили, так как он слишком близко подошёл к разгадке тайны Каспара Хаузера. Сам фон Фейербах тоже так думал. Правая рука уже не действовала, потому на листе бумаги он с трудом вывел левой: «Мне что-то подсыпали». Записка эта осталась в семье Фейербах и была затем утрачена. Врачи описали болезнь фон Фейербаха как «имевшую нервный характер», но причин её понять не могли. Трижды казалось, что полицей-президенту становится лучше, но всякий раз его состояние вновь резко ухудшалось. Каспар был глубоко потрясен известием о его смерти.

29 сентября 1833 года Каспару Хаузеру предположительно исполнился 21 год. Он совершил поездку в Нюрнберг, где встретился с Биндером и Даумером и был представлен королеве Каролине и её сыну, королю Людвигу. В октябре 1833 года лорд Стенхоуп объявил о возвращении в Ансбах и попросил найти для него гостиницу, но не приехал. В ноябре он вновь написал, что собирается в гости, на сей раз в сопровождении жены и дочери, и вновь обещания не сдержал. В начале декабря Хикель уехал из города. 11 декабря Каспар навестил его жену и во время визита обронил мимоходом, что один «знакомый» приглашает его в городской парк посмотреть, как будут копать артезианский колодец. Фрау Хикель посоветовала ему не ходить, а вместо этого посетить бал, который должен был состояться в ближайшие дни. Каспар последовал её совету.

14 декабря 1833 года Каспар до полудня работал в суде, затем отправился к пастору Фурману, чтобы помочь ему изготовить несколько упаковок для рождественских подарков. Закончив работу, в сопровождении пастора он покинул дом, но на полпути извинился, заявив, что ему нужно зайти к «юной фрейлейн», живущей по соседству, но в три часа дня направился напрямик в городской парк, где неизвестный, отведя его в укромное место под предлогом передачи некоего важного документа, ударил его в грудь длинным ножом. Мейер считал, что «Хаузер сам нанёс себе рану, чтобы снова вызвать к себе внимание». Когда Каспар в этот субботний день около четырёх часов пришёл, шатаясь, к Мейеру, тот не поверил его рассказу.

Он схватил Каспара, получившего, как выяснилось позже, четыре смертельных ранения, и заставил вернуться в городской сад (по другой версии, Каспар сам попросил Мейера побывать на месте преступления, чтобы рассказать ему о произошедшем в деталях, но малодушный профессор пытался уклониться от этой миссии). Всю дорогу Мейер выговаривал смертельно раненному Каспару за ослушание. Каспар смог пройти большую часть пути,

прежде чем ноги его подкосились. Его отнесли в дом Мейера, где к Каспару вернулось сознание. Он рассказал, что к нему обратился человек в чёрном пальто с пелериной, в цилиндре, с усами и бакенбардами: «Не вы ли Каспар Хаузер?» Услышав ответ, незнакомец потребовал от Каспара обещания, что тот никому не расскажет о том, что ему предстоит узнать. Получив желаемый ответ от заинтригованного юноши, незнакомец вручил ему кошелёк с пурпурными кистями, тут же упавший на землю. Каспар, нагнувшийся за кошельком, немедленно получил удар ножом в бок, а незнакомец скрылся.

Убийство Каспара Хаузера в саду Ансбаха. Рисунок 1911 г.

Мейер счёл рассказ Каспара выдумкой. К его мнению присоединился и Хикель. Призванные доктора поначалу не посчитали рану серьёзной, однако состояние Каспара постепенно ухудшалось, а члены магистрата едва ли не до самой смерти мучали его расспросами

в надежде получить ключ к расследованию преступления, пастор Фурман горячо убеждал своего подопечного облегчить себе душу обнаружением гнетущей его тайны, слабеющий Каспар всем им отвечал, что наибольшую горечь вызывало недоверие к нему. 17 декабря в 10 часов вечера он умер. Одними из последних его слов были: «За этой мышью охотится слишком много котов...», «Мама, мама, приди!», «Дама... светская дама... да помилует её Господь!» и «Я устал, очень устал, а путь ещё долгий...» На месте, где Хаузеру была нанесена смертельная рана, воздвигнут памятный камень со словами: «Здесь один неизвестный был убит другим неизвестным» (*лат.* *Hic occulto occultus occisus est*).

У истории Каспара Хаузера хеппи-энда не случилось. Из-за упорного недоверия Мейера никто не поднял тревоги и время оказалось безвозвратно упущено. На следующий день хлынул дождь, окончательно смывший всякие следы. В талом снегу остался лежать только выпавший из рук Каспара шёлковый кошелек пурпурного цвета, в котором нашлась записка, изготовленная таким образом, что прочесть её можно было только в зеркальном отражении. Текст её гласил следующее:

«Хаузер вам сможет точно описать
как я выгляжу
и откуда я взялся.
чтобы не утруждать Хаузера,
я вам сам скажу что
я появился __ __
я появился с с __ __
баварской границы __ __
на реке __ __
я вам даже
имя скажу: М.Л. О.»

Убийцу не нашли. Посмертное вскрытие, выполненное докторами Альбертом, Хорлахером и Хейденрайхом, показало, что рана была нанесена длинным ножом. Нож пробил сердечную сумку и ушёл вправо почти до брюшной полости. В вопросе, могло ли это быть самоубийство, доктора не смогли сойтись во мнении. Доктор Альберт категорически отрицал подобную возможность, в то время как доктор Хорлахер допускал её при условии, что Каспар при жизни был левшой и отличался недюжинной силой. Мейер, немедленно подхвативший версию самоубийства, стал утверждать, что Каспар прекрасно владел левой рукой, а для того чтобы вонзить в себя нож, упёр его рукояткой в ближайшее дерево. Доктор Альберт возражал ему, что Каспар в последние дни своей жизни отнюдь не выказывал уныния или печали, а наоборот – танцевал на балу, строил планы на будущее и собирался записаться в полк. Третий врач – доктор Хейденрайх – не смог окончательно остановиться ни на одном из предположений.

Оказалось, что мозг Каспара имел чрезвычайно малые размеры, как будто нормальное развитие младенца было искусственно остановлено. Лёгкие также были малы, а печень, наоборот, значительно увеличена, что подтверждало, что ребёнок долгие годы находился почти постоянно в сидячем положении. Однако самым значительным был вывод, что Каспар был помещён в заключение отнюдь не с рождения (хотя и раньше семи лет), а, вероятнее всего, в три или четыре года.

На могиле найденыша написали: «Здесь лежит Каспар Хаузер – загадка своего времени: неизвестное происхождение, загадочная смерть 1833».

Лорд Стенхоуп послал Каспару письмо из Мюнхена, датированное 16 декабря (по мнению Эванс, дата не соответствовала действительности). В письме лорд извинялся, что не может приехать, так как неотложные дела призывают его на родину. Но по всей Германии

уже было известно о смерти Хаузера. Вызванный в Мюнхен, лорд пытался уверить королеву Каролину, что ничего не знал об убийстве, тогда как молва утверждала, что его видели неподалёку от Ансбаха. Королева дала ему понять, что считает его прямо или косвенно виновным в произошедшем, но отпустила восвояси.

Король Людвиг Баварский объявил награду в 10 тысяч гульденов за поимку убийцы. Было доказано, что кошелёк не принадлежит Каспару и почерк на записке, по-видимому, не совпадает с его почерком. Каспар перед смертью успел описать нападавшего – тому было лет сорок, он был около 1 метра 80 сантиметров ростом, носил чёрную остроконечную шляпу и синий плащ, ниспадавший до колен. Краем плаща незнакомец прикрывал лицо.

Хозяин гостиницы «Gasthaus zum Falken» показал, что похожий человек остановился у него за день до убийства. Ему было по виду лет 30–40, незнакомец был смугл, черноволос, носил чёрную бороду, лицо у него было сплошь изрыто оспинами. Одежда, впрочем, была другой. Это были зелёная куртка, чёрный галстук, серые брюки и сапоги на высоких каблуках со шпорами, из чего хозяин заключил, что незнакомец прибыл верхом. Однако, уходя, он надел именно чёрную шляпу и синий плащ. Хозяин припомнил, что человек этот сидел в одиночестве в общем зале, полном других приезжих, а на вопрос, откуда он приехал, ответил, что путь ещё долгий, а погода мерзкая. Речь, по мнению хозяина, выдавала в нём образованного человека. Кроме того, в день убийства школьный учитель Зейц видел незнакомца в королевском парке, медленно уходившего от него прочь по другой тропе. Около двух часов пополудни тот же незнакомец наведлся в гостиницу «Циркель», где осведомился, когда отправляется почтовый дилижанс на Нордлинген, и получил ответ, что он может выехать на этом дилижансе через час, если покончит к этому времени со своими делами. Около трёх часов дня чернорабочий по фамилии Лайх увидел в парке незнакомца в сопровождении Каспара Хаузера, которого знал в лицо. Они вышли через калитку, причём Каспар двигался первым, а незнакомец шёл сзади. Всего незнакомца видели семь человек.

Книга фон Фейербаха о Каспаре Хаузере была направлена в качестве подарка вдовствующей королеве Каролине Баварской 27 января 1832 года. Криминалист пришел к выводу, что Каспар, вероятно, был сыном короля. В подтверждение был приведен сон в пересказе самого Каспара, где он видел себя в каком-то дворце. Фейербах считал, что родители найденныша состояли в законном браке. Иначе можно было бы просто подбросить новорожденного в приют. Преступники были людьми весьма высокого ранга, раз огромная награда в тысячу флоринов для любого, кто мог бы навести полицию на след преступников, покушавшихся на Каспара в доме Даумера, так и не была востребована. По законам Баварии убийце грозил бы эшафот. Фон Фейербах решил, что на карту была поставлена жизнь, смерть или политическое влияние личностей столь высокопоставленных, что мальчика нужно было убить любой ценой, чтобы кто-то другой смог занять его место и пользоваться властью и богатством, по праву принадлежавшими жертве.

По мнению Фейербаха, долгое заключение Каспара могло быть средством спрятать его и таким образом спасти. По воспоминаниям мальчика, его каморка была совершенно чистой, так что он всё время своего заключения ничем не болел. Там не было ни мышей, ни крыс, ни мух, ни даже пауков. На мальчике не было никаких паразитов. Погрузив его в сон, тюремщик менял на нём одежду, стриг ему ногти и, возможно, мыл ребёнка, сколько было в его силах. Сами рубашки, которые он носил в заключении, были, по воспоминаниям Каспара, куда белее и тоньше той, которую тюремщик заставил его надеть перед путешествием в Нюрнберг. Кормили его мягкими белыми булочками с кориандром и укропом. Белый хлеб со специями трудно было представить в доме бедняка. В камере у Каспара было два деревянных солдатики, деревянная собачка, лошадка и т. д., а также разноцветные бантики, чтобы их украшать. Незвестный ни в коем случае не желал погубить ребенка. Ему самому приходилось приносить тайком еду для ребёнка и потому ограничиться хлебом и

водой. Фон Фейербах сделал вывод, что неизвестный пытался спасти ребёнка от убийц. Он считал, что потенциальный убийца не выполнил приказа. По мнению фон Фейербаха, речь шла о единственном королевском сыне, смерть которого открывала дорогу к престолу для родственника монарха. Чтобы не вызвать подозрений, ребёнка подменили на мёртвого или умирающего, возможно, в тот момент, когда принц был реально болен. Незаконный наследник должен был разделаться с принцем. Фон Фейербах назвал единственную семью, которая могла удовлетворять всем поставленным требованиям, – великий герцог Бадена Карл и его жена Стефания Богарне.

Карл Фридрих, маркграф, а позднее – великий герцог Баденский (1728–1811), после смерти своей первой жены Каролины-Луизы Гессен-Дармштадтской вступил во второй, морганатический брак с Луизой Каролиной Гейер, баронессой фон Гейерберг, ставшей рейхсграфиней фон Хохберг. Под этим именем главная предполагаемая «злодейка» осталась в истории. В этом браке родилось четверо сыновей, притом что молва упорно делала графиню фон Хохберг любовницей младшего брата герцога Людвиг. Дети графини могли унаследовать престол только в случае смерти всех законных наследников мужского пола. Череду смертей открыл великий герцог. Во время поездки в Швецию карета, в которой он находился, перевернулась, и он стал единственной жертвой инцидента. Престол унаследовал его внук, Карл-Людвиг, пользовавшийся репутацией пьяницы и дебошира. По настоянию Наполеона он женился на троюродной сестре пасынка императора Евгения Богарне Стефании. В этом браке родились двое сыновей и три дочери. Первый сын появился на свет 29 сентября 1812 года и умер 16 октября того же года при неясных обстоятельствах. По свидетельству кормилицы, её отпустили накануне домой, но после возвращения она обнаружила стражу у покоев мальчика, и её отказались пустить внутрь под предлогом, что он заболел. Мать ребёнка, Стефания, также не смогла пройти через этот кордон. Ей отказывали из опасений, что она сама может заболеть. Затем было официально объявлено о смерти ребёнка. Второй сын, получивший имя Александр, родился в 1816 году, но не дожил до года, хотя все три дочери благополучно выросли, отличаясь отменным здоровьем.

В 1818 году, в возрасте 32 лет, умер герцог Карл-Людвиг, и престол за отсутствием сыновей наследует его дядя Людвиг, 54-летний холостяк, имевший, впрочем, несколько незаконнорожденных детей. В 1830 году он умер, по слухам, от яда, и престол занял старший сын графини Хохберг Леопольд – сводный брат Людвиг I по отцу Карлу Фридриху Баденскому.

Фон Фейербах обратил внимание, что Каспар якобы родился 30 апреля 1812 года. Старший сын Стефании также родился в 1812 году и умер 16 октября, в то время как Каспар был отдан неизвестному якобы 7-го числа того же месяца. А 30 апреля – это день рождения младшего сына Стефании – Александра. Здесь фон Фейербах предположил, что неизвестный просто спутал даты рождения обоих братьев. Кроме того, фон Фейербах полагал, что нельзя сбрасывать со счетов ненависть графини фон Хохберг к Стефании, хорошо известную современникам, да и сами слухи, упорно связывавшие Каспара с баденским домом, не могли возникнуть сами по себе.

По мнению историков Элизабет Эванс и Генри Писа, ребёнком, подменившим наследного принца, был сын Иоганна Блохманна, садовника в поместье графини Хохберг. Этот ребёнок был больной и нежизнеспособный, а возможно, был отравлен. Именно в это время Блохманн получил пост старшего садовника и прибавку к жалованью. Убивать ребёнка, по мнению Писа и Эванс, никто не собирался. Поначалу его отдали на воспитание какой-то няньке или гувернантке. Даумер, расспрашивая Каспара о снах, спросил, что за герб он видел. По памяти Каспар изобразил эту «картинку» – животное, напоминающее льва, скипетр, скрещённые шпаги и крест. В 1929 году немецкий историк Фриц Клее отыскивал нечто подобное в замке Бойгген на Рейне, по соседству с Базелем, о котором народная молва и раньше твердила, будто здесь и содержался в своём заключении Каспар.

В 1996 году с пятна крови на кальсонах, предположительно принадлежавших Каспару и хранящихся ныне в музее Ансбаха, был взят генетический материал. Образец направили в институт судебной медицины при Мюнхенском университете и в судебно-экспертную лабораторию в Бирмингем (Англия). Кровь для анализа предоставили двое потомков Стефании Богарне по женской линии. Результат оказался отрицательным – если допустить, что панталоны действительно принадлежали Каспару, он никак не мог быть родственником Стефании, великой герцогини Баденской.

В 2002 году анализ повторили, взяв образцы генетического материала со шляпы, брюк и пряди волос. Всего 6 образцов, ДНК которых оказались идентичными между собой. Кровь для анализа дала Астрид фон Медингер – потомок Стефании по женской линии. Анализ проводился в институте судебной медицины Мюнстера под руководством профессора Б. Бринкмана. Результат оказался положительным – цепочки ДНК совпали на 95 %. Таким образом, вероятность, что Каспар был действительно сыном Стефании, очень высока, хотя с этим результатом согласны не все исследователи.

Баденская версия происхождения Каспара Хаузера представляется нам наиболее убедительной, и реальных альтернатив ей пока нет. Убийца же должен был быть близок к правившему в Бадене в 1830–1852 годах герцогу Леопольду (1790–1852), чьим правам на престол угрожал Каспар. Не исключено, что первоначально его передали в какую-то простую семью, а потом, когда возникла угроза разоблачения, решили от него избавиться, но убийца не смог убить младенца, а предпочел его спрятать. Лорд Стенхоуп, возможно, надеялся раскрыть тайну Каспара, а потом шантажировать тех высокопоставленных лиц, которые организовали покушение.

Александр Сергеевич Пушкин

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) был смертельно ранен на дуэли с поручиком кавалергардского полка Жоржем Шарлем Дантесом (1812–1895), французом на русской службе. Причиной дуэли послужили откровенные ухаживания Дантеса за женой Пушкина, Натальей Николаевной Гончаровой (1812–1863). Непосредственным толчком к дуэли послужил анонимный пасквиль с оскорбительными намёками в адрес Натальи Николаевны и Дантеса и с посвящением Пушкина в «орден рогоносцев», разосланный 3 ноября 1836 года друзьям Пушкина.

А.С. Пушкин. Акварель П.Ф. Соколова. 1836 г.

Пушкин, узнавший о письмах на следующий день, был убежден, что они – дело рук Дантеса и его приёмного отца барона Луи Геккерн (1792–1884), нидерландского посланника в Петербурге. В петербургском высшем свете не было секретом, что Геккерн и Дантес состояли в гомосексуальной связи. Переписка Дантеса с его приемным отцом бароном Геккерном, опубликованная только в 1995 году, доказывает, что эти слухи соответствовали

действительности. Из писем Дантеса также следует, что кавалергард на самом деле пылал страстью к супруге Пушкина и в определенной степени пользовался взаимностью. Пушкин считал, что пасквиль написал барон Геккерн. В его авторстве подозревали также как самого Дантеса, так и его недоброжелателей. Вечером 4 ноября поэт послал Дантесу вызов на дуэль. Геккерн после двух встреч с Пушкиным добился отсрочки дуэли на две недели. За это время усилиями друзей поэта, и прежде всего воспитателя наследника престола Василия Андреевича Жуковского и тётки Натальи Николаевны Екатерины Ивановны Загряжской, дуэль удалось отменить. 17 ноября Дантес сделал предложение сестре Натальи Николаевны Екатерине Гончаровой в доказательство того, что именно она была предметом его страсти. В этот же день Пушкин послал своему секунданту В.А. Соллогубу письмо с отказом от дуэли. 10 января 1837 года Екатерина Гончарова стала женой Геккерн-Дантеса. Она родила Дантесу четверых детей и умерла при родах в 1843 году.

Н.Н. Пушкина. Акварель А.П. Брюллова. 1832 г.

Однако Дантес продолжал демонстративно оказывать знаки внимания Наталье Николаевне. По словам друга Пушкина К.К. Данзаса, жена предлагала поэту оставить на время Петербург, но тот, «потеряв всякое терпение, решил кончить иначе». 26 января (7 фев-

раля) 1837 года Пушкин отправил старшему Геккерну письмо, в основном написанное сразу после получения пасквиля, где, чрезвычайно резко характеризуя как отца, так и приёмного сына, отказал им от дома. Поэт, среди прочего, утверждал, что молодой Геккерн «malade de vérole» («болел сифилисом»), что было переведено в военно-судном деле о дуэли как «венерической болезни». В тот же день Геккерн объявил Пушкину, что его вызов в силе и Дантес готов принять его. Формальный вызов на дуэль от Геккерна, одобренный Дантесом, был получен Пушкиным в тот же день через атташе французского посольства виконта д'Аршиака. Так как Геккерн был послом иностранного государства, он не мог драться на дуэли. 27 января (8 февраля) под Петербургом на Чёрной речке состоялась дуэль, на которой Пушкин был смертельно ранен в живот, а Дантес его ответным выстрелом был легко ранен в руку. Дантес выстрелил первым. Пушкин упал после выстрела Дантеса, потерял сознание, но быстро пришёл в себя и заявил, что у него хватит сил сделать ответный выстрел. У его пистолета дуло забилося снегом, и он попросил сменить пистолет. Д'Аршиак стал возражать, но Дантес знаком остановил его, и Пушкину дали другой пистолет. Дантес снова встал к барьеру. Пуля из пистолета Пушкина попала Дантесу в область груди, задев при этом руку. У Пушкина пуля перебила шейку бедра и проникла в живот. Для того времени ранение было смертельным. Пушкин узнал об этом от лейб-медика Арендта.

29 января 1837 года, в день смерти Пушкина, командующий Отдельным гвардейским корпусом генерал-адъютант Карл Бистром, узнав о дуэли, донес императору, который приказал «судить военным судом как Геккерна и Пушкина, так равно и всех прикосновенных к сему делу». Перед смертью Пушкин просил у императора прощения за нарушение запрета на дуэли: «...Жду царского слова, чтобы умереть спокойно». Царь ответил: «Если Бог не велит нам уже свидеться на здешнем свете, посылаю тебе моё прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки».

Царским указом Дантес был лишен офицерского звания и выслан из России, как и барон Геккерн.

Распространены версии о том, что дуэль представляла собой заговор против Пушкина, во главе которого стоял чуть ли не сам император Николай I, который был неравнодушен к Наталье Гончаровой. Якобы орудием заговора были лица, близкие к царю, а также сам Дантес, рассчитывавший таким образом устроить свою карьеру. Последнее утверждение представляется более чем странным. Дантес, отправляясь на дуэль, прекрасно понимал, что для него может быть лишь два исхода. Либо он будет убит Пушкиным, либо останется жив и тогда наверняка будет лишен чинов и выслан из России.

Нет также никаких доказательств намерений императора сделать Наталью Гончарову своей фавориткой ни до смерти Пушкина, ни после. Поэтому версию о дуэли с Дантесом как средстве устранить Пушкина не стоит рассматривать всерьез.

Также не вызывает доверия версия о том, будто Дантес во время дуэли был одет в металлическую кольчугу (металлический жилет), что якобы и помогло ему уцелеть после выстрела Пушкина. Но об этом как минимум должны были знать его секунданты, а также доктор, который оказывал ему помощь после ранения. Да и вообще надеть, а потом снять кольчугу или металлический жилет было делом достаточно хлопотным. И если бы об этом стало известно хотя бы секундантам Дантеса, его репутация была бы безнадежно испорчена, и даже во Франции он вряд ли бы мог тогда рассчитывать на карьеру военную или политическую. А если бы, несмотря на кольчугу, Дантес все равно был бы убит (это произошло, если бы Пушкин попал ему в живот, в голову, в горло или в артерию бедра), о его позоре узнал бы весь свет. Согласимся, как-то странно идти стреляться за свою честь и при этом рисковать нанести ей еще больший ущерб. Главное же, нет никаких документальных доказательств существования пресловутой кольчуги.

Дуэль Пушкина с Дантесом. Художник А.А. Наумов. 1884 г.

Дантес, несомненно, спровоцировал дуэль своими ухаживаниями за Натальей Николаевной. Но непосредственной провокацией послужил анонимный пасквиль. А вот его автор не установлен до сих пор. Пушкинист П.Е. Щёголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина», основываясь на экспертизе почерка, проведённой в 1927 году сотрудником уголовного розыска А.А. Сальковым, доказывал, что автором анонимных пасквилей был князь Пётр Владимирович Долгоруков (1816–1868). А другая экспертиза, проведенная В.В. Томилиным в 1966 году, автором пасквиля назвала князя Ивана Сергеевича Гагарина (1814–1882). Он был другом Долгорукова, и оба они, отличаясь гомосексуальными наклонностями, дружили с бароном Луи Геккерном. Они никак не могли быть заинтересованы в дуэли, как не были в ней заинтересованы и Геккерн с Дантесом. И Гагарин, и Долгоруков при жизни категорически отрицали, что являются авторами рокового пасквиля. Ещё одна экспертиза была проведена в 1976 году. С.А. Ципенюк сверил несколько образцов почерка Долгорукова и Гагарина с «дипломом ордена рогоносцев» и пришёл к выводу, что ни тот ни другой не писали пасквиля. К такому же выводу пришла экспертиза, организованная историком-археологом Г. Хаитом и проводившаяся сотрудниками Всесоюзного НИИ судебных экспертиз.

Михаил Юрьевич Лермонтов

Великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) погиб на дуэли 15 (27) июля 1841 года. Его убил бывший друг, отставной майор Николай Соломонович Мартынов (1815–1875), и произошло это у подножия горы Машук под Пятигорском. В советском лермонтоведении было распространено мнение, что дуэль Лермонтова с Мартыновым была завуалированным способом убийства вольнолюбивого поэта, которому император Николай I не мог простить написанное в связи с гибелью Пушкина стихотворение «На смерть поэта». Поскольку считалось, что Мартынов плохо стрелял, утверждали, будто недалеко от места дуэли сидел в засаде специально посланный шефом жандармов казак с ружьем, который и застрелил Лермонтова. На самом деле причина дуэли – несходство характеров двух бывших друзей.

М.Ю. Лермонтов. Акварель А.И. Клюндера. 1838 г.

Мартынов почти одновременно с Лермонтовым поступил в юнкерскую школу, где был постоянным партнёром поэта по фехтованию на эспадронах. Прослужив некоторое время в кавалергардском полку, он в 1837 году отправился добровольцем на Кавказ и участвовал в экспедиции кавказского отряда за Кубань. Был награждён орденом Св. Анны 3-й степени с

бантом. В 1837 году Лермонтов, переведённый из гвардии в Нижегородский полк за стихи «На смерть поэта», и Мартынов, отправляющийся на Кавказ, две недели провели в Москве, часто завтракая вместе у «Яра». Лермонтов посещал московский дом родителей Мартынова. По одной из версий, прототипом княжны Мери была Наталья Соломоновна – сестра Мартынова.

Мартынову были свойственны повышенное самолюбие, нетерпимость к другому мнению и отсутствие чувства юмора. Лермонтов в Пятигорске иронизировал над романтической «прозой» Мартынова и его стихами. Мартынов же обиделся на то, что послужил прототипом Грушницкого в «Герое нашего времени». Лермонтову приписывается два экспромта 1841 года, высмеивающие Мартынова: «Наш друг Мартыш не Соломон» и «Скинь бешмет, мой друг Мартыш», а Мартынову – подобная же эпиграмма «*Mon cher Michel*». После этого, по мнению Мартынова, Лермонтов не раз выставлял его шутом и совершенно извёл насмешками.

Как вспоминал Н.И. Лорер, «когда Лермонтов позволил себе неуместные шутки в обществе дам... шутки эти показались обидны самолюбию Мартынова, и он скромно заметил Лермонтову всю неуместность их. Но жёлчный и наскучивший жизнью человек не оставлял своей жертвы, и, когда они однажды сошлись в доме Верзилиных, Лермонтов продолжал острить и насмехаться над Мартыновым, который, наконец, выведенный из терпения, сказал, что найдёт средство заставить молчать обидчика. Избалованный общим вниманием, Лермонтов не мог уступить и отвечал, что угрозы ничьих не боится, а поведения своего не переменит».

Мартынов на следствии сходным образом излагал обстоятельства дуэли: «На вечере в одном частном доме, за два дня до дуэли, он вызвал меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, на каждом шагу показывая явное желание мне досадить. Я решился положить этому конец. При выходе из этого дома, я удержал его за руку, чтобы он шёл рядом со мной; остальные все уже были впереди. Тут я сказал ему, что я прежде просил его прекратить эти несносные для меня шутки, но что теперь предупреждаю, что если он ещё раз вздумает выбрать меня предметом для своей остроты, то я заставлю его перестать. Он не давал мне кончить и повторял раз сряду: что ему тон моей проповеди не нравится; что я не могу запретить ему говорить про меня то, что он хочет, и в довершение сказал мне: “Вместо пустых угроз, ты гораздо бы лучше сделал, если бы действовал. Ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь, следовательно, ты никого этим не испугаешь”. В это время мы подошли к его дому. Я сказал ему, что в таком случае пришло к нему своего Секунданта, – и возвратился к себе. Раздеваясь, я велел человеку, попросить ко мне Глебова, когда он придет домой. Через четверть часа вошёл ко мне в комнату Глебов, я объяснил ему, в чём дело; просил его быть моим Секундантом и по получении от него согласия, сказал ему, чтобы он на другой же день с рассветом отправился к Лермонтову. Глебов попробовал было меня уговаривать, но я решительно объявил ему, что он из слов самого же Лермонтова увидит, что, в сущности, не я вызываю, но меня вызывают, – и что потому, мне невозможно сделать первому шаг к примирению».

Дочь генеральши М.И. Верзилиной, в доме которой и собиралось общество, Э.А. Клингенберг (впоследствии Шан-Гирей), подробно описала роковую ссору: «13-го июля собралось к нам несколько девиц и мужчин... Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л.С. Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык... Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его “*montagnard au grand poignard*” (“горец с большим кинжалом”. – *Ред.*). (Мартынов носил черкеску и заме-

чательной величины кинжал.) Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово *roignard* раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах», и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову... Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора». Впоследствии родилась легенда, будто истинной причиной ссоры было соперничество за внимание Э.А. Клинггенберг – слишком уж ничтожной казалась истинная причина дуэли, на которой погиб поэт.

В 6 часов вечера 15 (27) июля дуэль состоялась, и М.Ю. Лермонтов был смертельно ранен. Согласно одной версии, Лермонтов выстрелил первым и вверх. По другой версии, поэт вообще не успел выстрелить, а Мартынов попал ему точно в грудь.

Дуэль. Рисунок М.Ю. Лермонтова. 1832–1834 гг.

Князь А.И. Васильчиков, секундант Лермонтова, так описал дуэль на следствии: «Расставив противников, мы, секунданты, зарядили пистолеты, и по данному знаку гг. дуэлисты начали сходить: дойдя до барьера, оба стали; майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал уже без чувств и не успел дать своего выстрела; из его заряженного пистолета выстрелил я гораздо позже на воздух». То же самое показал и М.П. Глебов, секундант Лермонтова: «Дуэлисты стрелялись... на расстоянии 15 шагов и сходились на барьер по данному мною знаку... После первого выстрела, сделанного Мартыновым, Лермонтов упал, будучи ранен в правый бок навывлет, почему и не мог сделать своего выстрела». И здесь секундантам, пожалуй, стоит верить. Все участники дуэли старались скрыть от следствия, что условия дуэли были максимально ориентированы на смертельный исход. В черновике показаний Мартынова говорилось: «Условия дуэли были: 1-е. Каждый имеет право стрелять, когда ему угодно... 2-е. Осечки должны были считаться за выстрелы. 3-е. После первого промаха... противник имел право вызвать выстрелившего на барьер. 4-е. Более трех выстрелов с каждой стороны не было допущено...» Прочитав черновик, Глебов прислал записку Мартынову: «Я должен же сказать, что уговаривал тебя на условия более легкие... Теперь покамест не упоминай о условии 3 выстрелов; если же позже будет о том именно запрос, тогда делать

нечего: надо будет сказать всю правду». Поскольку у каждого из противников было до трех выстрелов, вряд ли бы Лермонтов стал стрелять в воздух, что граничило с самоубийством. Вернее предположить, что он просто не успел выстрелить, а уже Васильчиков потом разрядил пистолет в воздух. В первоначальных показаниях начальнику штаба войск на Кавказской линии и в Черномории полковника А.С. Траскину Васильчиков и Глебов показали, что Лермонтов сказал, будто он не будет стрелять и станет ждать выстрела Мартынова». Таким образом, Лермонтов лишь собирался выстрелить вторым, но не стрелять в воздух.

Мартынов утверждал на следствии: «От сделанного мною выстрела он упал, — и хотя признаки жизни еще были видны в нем, — но уже он не говорил. — Я поцеловал его и тотчас же отправился домой, полагая что помощь может еще подоспеть к нему вовремя».

В акте медицинского осмотра трупа указывается: «При осмотре оказалось, что пушечная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастении ребра с хрящом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны». Но такой угол раневого канала (от 12-го ребра до противоположного 5-го межреберья уклон при нормальном положении туловища составляет не менее 35°) мог возникнуть только в случае, если пуля попала в поэта, когда он стоял повернувшись к противнику правым боком, с сильно вытянутой вверх правой рукой, отогнувшись для равновесия влево. Это развенчивает и миф о казаке с винтовкой.

30 сентября был объявлен приговор. Мартынов был признан виновным в «произведении дуэли», приведшей к смерти, и подлежащим «лишению чинов и прав состояния». Такому же наказанию подлежали секунданты Глебов и Васильчиков. Приговор был послан на утверждение царю, который в отношении Мартынова ограничился тремя месяцами гауптвахты и церковным покаянием, а секундантов простил.

На следствии, стремясь убийство Лермонтова делом случая, Мартынов утверждал, что пистолет взял в руки в третий раз в жизни и толком не умел из него стрелять. Однако есть сведения, что у Мартынова была еще одна дуэль и на ней он тоже стрелял довольно точно. Да и трудно представить, чтобы служивший на Кавказе и награжденный орденом офицер не умел стрелять из пистолета.

Памятник на месте дуэли М.Ю. Лермонтова

Николай Васильевич Гоголь

Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) умер внезапно во время работы над вторым томом своего главного произведения – поэмы «Мёртвые души». Его смерть остается загадочной.

Американский литературовед Саймон (Семен) Карлинский, а вслед за ним российский историк Лев Клейн выдвинули гипотезу о «подавленной гомосексуальности» Гоголя и его смерти как скрытом самоубийстве, чтобы уйти от этого комплекса. Но гипотеза Карлинского, как и все гипотезы, основанные на психоанализе, отличается тем, что её нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Н.В. Гоголь. Гравюра с портрета 1841 г.

На вопросы доктора Тарасенкова во время последней болезни Гоголя писатель сказал, что не имел связей с женщинами (в юности однажды посетил с друзьями бордель, но не получил удовольствия) и никогда не мастурбировал.

По мнению известного русского психиатра Владимира Федоровича Чижа (1855–1922), предпосылки психического заболевания Гоголя проявлялись ещё в ранней юности, а в 1841 году «у Гоголя окончательно сформировались бредовые идеи величия, зачатки которых были уже в юности и которые в течение всей жизни постепенно кристаллизовались и уяснялись, пока, наконец, под влиянием обострения болезни в 1840 г. не достигли полноты и законченности».

Существует версия о том, что Гоголь заснул летаргическим сном, так как после эксгумации его останков некоторые очевидцы полагали, что скелет писателя принял в гробу

неестественное положение. Однако она полностью опровергается воспоминаниями скульптора Николая Рамазанова, делавшего посмертную маску Гоголя. Когда он готовился снимать посмертную маску, то его помощник, который месил гипс, сказал ему: «Поторопитесь, показались явные признаки разложения».

По другой версии, смерть Гоголя связана с покаянным отвержением им всего плотского во имя торжества духа над плотью, так что, по словам историка церкви А.В. Карташева, он «уморил себя голодом в подвиге спиритуализма».

Доктор Алексей Терентьевич Тарасенков, наблюдавший Гоголя во время его предсмертной болезни, утверждал, что Гоголь перестал принимать пищу и слёг в постель только за три дня до смерти, а бред и внезапное падение сил проявились лишь в последние часы жизни, что опровергает версию смерти от голода. Взрослый здоровый человек может обходиться без пищи 30–40 дней. Гоголь же постился лишь 17 дней, не отказываясь от пищи полностью.

Версия смерти Гоголя, выдвинутая Константином Смирновым, сводится к тому, что в результате ошибочного лечения тремя врачами, не знавшими о предыдущих назначениях, писателю троекратно назначалась каломель – ртутьсодержащий препарат, которым лечили желудочные расстройства. В результате передозировки и замедления выведения из ослабленного организма этого препарата могла произойти общая интоксикация по типу отравления ртутным ядом сулемой. Но Тарасенков свидетельствует, что о лекарствах аптечных Гоголь «имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей». Есть данные лишь о назначении каломели доктором Клименковым в ночь на 21 февраля, за несколько часов до смерти.

С конца января 1852 года в доме графа Александра Толстого гостил ржевский протоиерей Матфей Константиновский, с которым Гоголь познакомился в 1849 году, а до того был знаком по переписке. Гоголь предложил ему прочесть беловой вариант второй части «Мёртвых душ» для ознакомления, с тем чтобы выслушать его мнение, но получил отказ священника. Гоголь настаивал на своём, пока тот не взял тетради с рукописью для прочтения. Протоиерей Матфей стал единственным прижизненным читателем рукописи второй части. Возвращая её автору, он высказался против опубликования ряда глав, «даже просил уничтожить» их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.